

Письма Пестеля к П. Д. Киселеву.

(1821 — 1823 гг.).

В 1818 г. главнокомандующим 2-ой армии был назначен граф П. Х. Витгенштейн. Вместе с ним в главную квартиру армии в Тульчине приехал и его адъютант Пестель, пользовавшийся у него таким огромным доверием, что в Петербурге говорили, будто он делает из главнокомандующего все, что только захочет.¹ Начальник главного штаба 2-ой армии генерал Рудзевич тоже «находился у Пестеля въ точномъ подданствѣ». Поэтому, назначенному 22 февраля 1819 г. на место Рудзевича Павлу Дм. Киселеву его петербургские друзья настойчиво советовали остерегаться Пестеля, о котором у самого императора Александра I давно составилось весьма неблагоприятное мнение. На первых порах Киселев был встречен во 2-ой армии очень недружелюбно, так как в его назначении, происшедшем по личному желанию государя и без совета с главнокомандующим, усмотрено было недоверие ко всей 2-ой армии. Киселев, получивший из Петербурга задание «обворозить» Витгенштейна, удачно и скоро справился с этой задачей и, несомненно, должен был для той же цели более или менее дружески сблизиться и с наиболее влиятельным из адъютантов главнокомандующего. Выдающиеся личные достоинства Пестеля, его образованность и работоспособность, спокойный, трезвый ум и твердая воля, произвели на Киселева большое и сильное впечатление и заставили ценить Пестеля, несмотря на дружеские и настойчивые предостережения влиятельного петербургского приятеля, А. А. Закревского, занимавшего в то время высокий пост дежурного генерала главного штаба. «Пестель такого свойства, писал Киселев к Закрев-

¹ См. книгу А. П. Заблоцкого-Десятовского, Графъ П. Д. Киселевъ и его время, т. I, СПб. 1882, стр. 89 — 94.

скому, что всякое место займет с пользою; жаль, что чин не позволяет; но дежурный ли генерал, начальник ли штаба в корпусе — везде собою принесет пользу, ибо голова хорошая и усердия много». Не будь настойчивых предостережений Закревского, Киселев может быть, так же бы поддался влиянию Пестеля, как и его предшественник, теперь же он был с ним настороже, удалил его от непосредственных дел и наивно полагал, что Пестель у него находится в руках. «Я ему надел узду, писал он тому же Закревскому, и так ловко, что он к ней привык и повинуетя. Конь выезжен отлично, но он с головою, и к делу очень способен». «Покорность его заслуживала воздаяния, пишет он в другом письме, и признаться, что потерял совершенно в делах влияние, было, конечно, ему прискорбно... Он человек, имеющий особенные способности и не корыстолюбив, в чем я имею доказательства». Правда, несколько позднее Киселев должен был значительно изменить свое мнение и уже в письме от 23 окт. 1819 г. пишет Закревскому: «Я съ прискорбієм убѣдился быль долженъ изъ дошедшихъ до мѣня свѣдѣній, что ты, любезной другъ Арсеней Андреевичъ, справедливо мѣня предупреждать на счотъ мною хвалимаго сдѣшяго чиновника. — Онъ дѣйствительно имѣеть много способностей ума, но душа и правила черны какъ грязь; — я не скрылъ, что наша нравственность не одинакова, и какъ ему, такъ и графу, безъ дальнихъ изворотовъ мнѣніе мое объяснить». Закревский отвечал (18 ноября 1819 г.): «Душевно радъ, что мое мненіе справедливо нащетъ хвалимаго тобою офицера: правда, пріятно иметь человека съ умомъ, но должны быть правила и честность, а безъ того кроме пронырства и сплетней ничего не выйдетъ. Въ прочемъ ты открылъ глаза, следовательно, съ нимъ такъ и действуй, не имея никакой съ таковыми людьми деликатности». Совет этот — не иметь никакой деликатности с Пестелем — Киселев однако не исполнил и, несмотря на изменившееся собственное мнение о «нравственности» того, продолжал и впоследствии, почти во все время совместной службы с ним, относиться к нему чрезвычайно внимательно и доброжелательно, уверяя Закревского (письмо 15 дек. 1819 г.), что «у строгова начальника онъ былъ бы чиновникъ полѣзный». Считая, очевидно, себя самого таким строгим начальником, он постоянно ходатайствует за Пестеля: то о ласковом приеме его Закревским в Петербурге, то о повышении в чине, то о назначении

командиром полка. В то же время он дает ему ответственные служебные поручения, советуется с ним по приобретению нужных ему книг и старается, по возможности, исполнять те, подчас неумеренные, просьбы, которыми Пестель бомбардировал его, сделавшись, благодаря исключительно ему же, командиром Вятского полка. Большое значение в этой близости Киселева к Пестелю имело, конечно, и то обстоятельство, что, приехавши в глухой Тульчин, во 2-ую армию, которая находилась тогда в некотором загоне и служила чем-то вроде места ссылки для негодных в других местах офицеров, Киселев нашел в Пестеле человека одного с ним светского круга, с образованием, значительно превосходившим его собственное, с которым поэтому было не только приятно, но и полезно иметь и поддерживать знакомство, выходящее из рамок служебной подчиненности.

Пестель, повидимому, прекрасно понимал характер отношений к нему Киселева. В архиве последнего ¹ сохранилось 23 его письма к Киселеву за время от 24 августа 1819 г. по 16 мая 1823 г. Письма эти разделяются на две категории: 15 относятся ко времени до назначения Пестеля командиром Вятского полка и 8 — ко времени после этого назначения. Общим в письмах той и другой категории является их необыкновенная сдержанность в смысле обнаружения политических взглядов, замыслов и работ Пестеля. Несмотря на то, что он должен был чувствовать и несомненно чувствовал благодарную симпатию к Киселеву, постоянно за него ходатайствовавшему и заступавшемуся, несмотря на то, что сам Пестель считал себя несправедливо обижаемым недоброжелательным и подозрительным отношением к нему высшей власти, вследствие чего он, по его собственным словам, привык терпеть по службе одни неприятности и постоянно сражаться то с людьми, то с обстоятельствами, несмотря, наконец, на то, что он вел в это время лихорадочную работу по организации Южного Общества и по вербовке членов его, он в своих письмах ни словом, ни намеком не обмолвился ни о своей враждебности к власти, ни о политических идеалах и стремлениях своих. В этом отношении конь действительно оказался отлично выезженным, только совсем не в том смысле, в каком думал и говорил Киселев.

¹ В Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук.

Все письма написаны в очень почтительных выражениях, но в самом их тоне чувствуется довольно заметная разница, обусловленная различием во внешнем положении Киселева и Пестеля до и после назначения последнего командиром Вятского полка. До этого назначения Пестель принадлежал к тому же штабному обществу, что и Киселев, он был любимым и самым влиятельным из адъютантов главнокомандующего, подчинен был не столько Киселеву, сколько Витгенштейну, и потому, естественно, чувствовал себя до некоторой степени наравне с ним, — отсюда, его письма за этот период времени,¹ при всей внешней почтительности, являются в значительной степени письмами не столько подчиненного к начальнику, сколько светского человека к светскому же знакомому, старшему по возрасту и по чину, но равному по принадлежности к одному и тому же общественному кругу. Легкая светская ирония, некоторая фамильярность в обращении, позволяющая то и дело заводить речь о невесте Киселева графине Софии Потоцкой, наконец, проступающее сквозь почтительные фразы сознание умственного превосходства, когда дело шло о выборе и рекомендации книг по военной истории, — все это признаки, совершенно отсутствующие в письмах второго периода. В последних Пестель обращается уже к своему непосредственному начальнику, а потому и тон писем здесь хотя и неофициальный, но совершенно служебный и деловой, форма еще более почтительная и еще более пересытана выражениями благодарности и уверениями в совершенной преданности.

Со стороны содержания письма Пестеля-командира Вятского полка дают ценный и любопытный материал для характеристики этого замечательного человека. Добившись с большим трудом ответственного и сравнительно самостоятельного положения в армии, положения, которое однако сначала представлялось ему в некотором роде новым служебным унижением, Пестель с необычайною ревностью, заставляющею совершенно забывать о его личности, как политического заговорщика, принялся за упорядочение полка, считавшегося самым

¹ Значительные выдержки из них, в русском переводе, напечатаны в указанной книге Заблоцкого-Десятовского, т. I, стр. 92 — 94, а письмо 3 марта 1821 г. из Скуляи напечатано сполна в т. IV названной книги, стр. 10 — 13.

плохим во всей 2-ой армии. Его целью сделалось поднять этот полк до положения самого лучшего; долго сдерживаемые честолюбие и властолюбие нашли выход в этой кипучей деятельности, которою он надеялся наконец, по его собственным словам, заслужить внимание и благоволение высшего начальства. В средствах к достижению этой цели Пестель не особенно стеснялся: он не жалеет ни собственных денег, которые тратит на улучшение питания солдат, ни репутаций и служебной карьеры подчиненных ему офицеров, которых аттестует начальнику главного штаба с беспощадною и резкою откровенностью, ни крутых и суровых мер строгости, применяемых не только к солдатам, но и к офицерскому составу полка. Розги солдатам, как средство искоренения дезертирства, употребляемые с такой расточительной щедростью, что могли заслужить новому командиру, по собственному его признанию, название жестокого тирана, и настойчивость в домогательствах к удалению из полка неугодного офицера, доходившая, можно сказать, до политического доноса в вольнодумстве (майор Гноевой — чуть не карбонарий), — вот те средства, которыми он, не стесняясь своими политическими идеалами, пользовался. В стремлении поднять Вятский полк, чтобы затем блеснуть им при ожидавшемся тогда высочайшем смотре 2-ой армии, Пестель был, повидимому, совершенно искренен и потому, желая обновить офицерский состав полка, подбирая новых офицеров в него только по признаку знания ими строевой службы, совсем не руководясь стремлением умножить число своих политических единомышленников: среди этих кандидатов почти никто не был впоследствии замешан в деле декабристов, но за то в числе избранников именно самого Пестеля оказался будущий его предатель, Майборода, — странная и трагическая пророчья судьба...

Старания Пестеля, повидимому, увенчались успехом, и Вятский полк, при высочайшем смотре в конце сентября и начале октября 1823 г., оказался в числе шести лучших полков 2-ой армии. Александр I остался очень доволен войсками и наградил Киселева званием генерал-адъютанта, но Пестелю выдвинуться так, как он бы хотел, очевидно, не удалось. После этого прекращаются и его письма к Киселеву: охладел ли он к службе, разочаровавшись в возможности сделать себе большую карьеру посредством ее, захватила ли его целиком политическая работа, или же сам Киселев, получив более точные

сведения о заговорщической деятельности его, прекратил с ним близкие отношения — неизвестно.

В настоящем издании печатаются 8 писем Пестеля за время его командования Вятским полком и одно письмо, предшествующее назначению в этот полк, так как в нем выразилось отношение Пестеля к ожидавшемуся назначению. В архиве Киселева, из которого эти письма извлечены, есть также несколько ответных писем последнего, на французском языке, в копиях, снятых для Н. Ф. Дубровина в Военно-Ученом архиве. К сожалению, копии эти написаны не совсем исправно и с пропусками, а потому представляется возможным только изложить содержание их, в примечаниях.

Письма приготовлены к печати Ф. И. Покровским (первые 5 писем) и П. Г. Васенко (последние 4 письма).

1.

Mon Général,

Les procédés de Votre Excellence à mon égard sont tels que je me fais un véritable plaisir de dire à qui veut l'entendre que la reconnaissance, que je vous dois, est très grand et je me plais à le dire parce que ces mots sont la parfaite expression de mes sentimens. La phrase: *уничтожить артикуль касающийся подп. Пестеля*¹ ne m'a pas fait la moindre peine. Je suis déjà beaucoup

¹ Дело о назначении Пестеля командиром Вятского полка было поднято Киселевым в начале 1821 года, после того как командовавший этим полком полковник Булгарский 8 ноября 1820 г. был назначен генерал-гвардией 2-ой армии. Сначала, впрочем, командиром Вятского полка предполагали, по видимому, сделать подполковника Адамова 1-го, который в 1819 году был перечислен из Якутского в Охотский полк и командовал особым учебным батальоном, образованным Киселевым в Тульчине, при главной квартире 2-ой армии. 14 января 1821 г. Киселев писал Закревскому: «Адамовъ болѣе и командовать теперь ни чем не можетъ, въ Вятской полкъ прикомандировали подполк. Живоглядова, и ходу делу трудно дать до получения твоей бумаги». Теперь на свободную вакансию в Вятском полку Киселев, очевидно, хотел назначить Пестеля, а если бы это оказалось невозможным, то исправивал для него командование Томским полком. Пестель об этом знал, но в успехе сомневался и 8 февраля 1821 г. писал Киселеву из Тульчина: «Вчерашний фельдъегерь не привез ничего относительно моего назначения, постановление о котором еще не дошло до Петербурга. Г. Кромин, которого вы видели

trop familiarisé avec les désagrémens du service ¹ pour m'attendre à autre chose et qui plus est pour y faire la moindre attention. J'ai une indifférence complète pour tout ce qui peut m'arriver en mal; mais en revanche je suis infiniment sensible à la moindre

в Умани, назначен командиром Вятского полка, и легко может случиться, что в один из ближайших дней мы таким же образом увидим кого-нибудь назначенным и в Томский полк». Кромин, состоявший ранее командиром Пензенского полка и 16 марта 1819 г. уволенный на 4 месяца за границу, к минеральным водам, для излечения от болезни, был определен командиром Вятского полка по личному желанию государя, а Пестель так и остался без назначения: «Кромина вамъ назначили в полковые командиры», писал Киселеву Закревский 1 февраля 1821 г. Киселев был очень этим недоволен и в письме 17 февраля того же года жаловался Закревскому: «Зачѣмъ отказано Пестѣлю... зачѣмъ дали Кромина, котораго ни гдѣ имѣть не жѣляли?» На это Закревский ответил (1 марта): «Отъ васъ зависить Кромина удалитъ, есть ли найдете его недостойнымъ командовать полкомъ, но по прозбе его государь велеть назначить на открывшуюся вакансію во 2-ой арміи». В конце мая 1821 г. Киселев, при личном свидании с государем в Слониме, повидимому, вновь просил за Пестеля и получил согласие на какое-то перемещение Кромина и назначение Пестеля на его место. В Петербурге, очевидно, уже был заготовлен соответствующий приказ, а во 2-ую армию князем П. М. Волконским было послано официальное уведомление. Однако и на этот раз дело не удалось, так как Александр I, не любивший Пестеля, при подписании указа приказал вычеркнуть «артикул», касающийся его, о чем Закревский 29 июня 1821 г. и извещал Киселева: «Все твои записки утверждены, а Пестеля и Кромина при падисеніи приказа на утверждение приказали вымарать и повременить, следовательно не спеши после официального уведомления к[нязя] Волконскаго отдавать въ арміи въ приказе. Не удивляйся сему, это всегда делалось и делаться будетъ». Получив это письмо в Кишиневе, Киселев 16 июля переслал его Пестелю при своем письме, в котором сообщал, что пишет по этому делу князю Волконскому, надеется на справедливость государя и просит Пестеля не слишком огорчаться тем, что его несчастная звезда всегда его преследует. Ответом Пестеля и является настоящее письмо.

¹ Витгенштейн, будучи с Пестелем в Петербурге в 1819 г., лично просил государя за своего адъютанта, но получил отказ как в повышении его в чине, так и в назначении командиром кавалерийского полка. «Адъютанта графскаго, писал Киселеву Закревский 1 декабря 1819 г., тобою рекомендуемаго, хотя противъ чувствъ, но по твоему желанію принять ласково, и онъ остался мною доволенъ. Но въ чине получилъ отказъ, ибо 7 ротмистровъ старше его по кавалергардскому полку. Онъ по произволѣ предполагалъ перейти къ графу Витту, не знаю, на что теперь решится». «Граф твой, пишет он же 15 декабря, кажется по сіе время всемъ доволенъ. Пестеля просилъ въ полковые командиры кавалерійскаго полка, но согласія не получилъ».

marque d'intérêt et d'amitié et c'est pourquoi la lettre que vous avez bien voulu m'écrire de Kichéneff m'a fait mille fois plus de plaisir que ne m'a fait de peine le contenu du papier de Zakrewsky qui y étoit joint. Je suis très peiné que vous ayez voulu perdre encore quelques paroles en ma faveur. La chose ne le meritoit pas. Vous avez des preuves si éclatantes des gracieuses bontés de Sa Majesté l'Empereur pour vous que vous auriez bien pu je crois passer pardessus mon affaire et n'y pas arrêter un instant votre attention. Moi-même j'y attache au fond bien peu de prix. Si vous me permettez de vous énoncer toute ma pensée, je vous dirai que j'aurois désiré que vous ménageassiez votre sollicitude pour des occasions plus importantes et où il s'agiroit de la destinée de personnes qui attachent du prix à la tournure de leur sort. Cette sollicitude de votre Excellence a déjà été si utile à des classes entières d'individus que je la regarde comme un pouvoir auquel il faut toucher rarement. Ce qui me fait rire dans cette histoire, c'est que j'ai prédit à Jvacheff¹ dès le premier moment ce qui vient d'arriver et je crains bien que les idées que j'ai maintenant ne se réalisent également. Vous verrez que grace à son protecteur, M-r Kromine sera fait général le 30 Aout. Je lui souhaite tout le bonheur possible, mais je ne voudrois pourtant pas lui servir de marchepied. Alors on consentira peut-être à me donner le régiment, mais probablement sans le rang de colonel. A la même époque il est possible que Nostiz soit également avancé² car il est le cinquième à ce qu'il m'écrit. Dans cette supposition ma nomination au régiment de Wiatka, lorsque je serai le plus ancien officier Major de celui de Smolensk³ sera un nouveau genre d'humiliation. J'aurai l'air d'avoir été trouvé inepte à commander un régiment de cavalerie et d'en avoir été rejeté pour faire place à un autre. Vous avouerez que ceci ne seroit pas agréable. J'attends votre arrivée, mon général, pour prendre vos ordres sur ce que j'ai à faire maintenant et c'est en vous réitérant mes remerciemens pour votre

¹ Декабрист, бывший в то время адъютантом у Витгенштейна.

² Предположение Пестеля оправдалось: 3 января 1822 г. полковник граф Ностиц получил высочайшее благоволение уже как командир Смоленского драгунского полка.

³ С 20 марта 1821 г. Пестель числился в Смоленском драгунском полку, в чине подполковника.

bienveillance que je vous prie d'agréer l'assurance de la haute considération et du parfait Dévouement avec les quels j'ai l'honneur d'être

de Votre Excellence
le très humble et très obeissant
serviteur Pestel.

Toulzyn.
Ce 19 Juillet 1821.

Перевод:

Генерал,

Образ действий Вашего Превосходительства в отношении меня таков, что для меня является истинным удовольствием сказать во всеуслышание, что благодарность, которою я вам обязан, очень велика, и мне приятно это сказать, так как слова эти служат истинным выражением моих чувствований. Фраза: *уничтожить артикул касающийся подп. Пестеля*, не причинила мне ни малейшей неприятности. Я уже слишком привык к неприятностям по службе, чтобы обращать на них какое-нибудь внимание. Я совершенно равнодушен ко всему неприятному, что может со мною случиться; но взамен этого я бесконечно чувствителен к малейшему знаку внимания и дружбы. И вот почему письмо, которое вы позволили написать мне из Киншинева, доставило мне в тысячу раз более удовольствия, чем сколько неприятностей причинило содержание приложенной к нему бумаги Закревского. Мне очень тяжело, что вы потратили еще несколько слов в мою пользу. Дело не стоило того. Вы имели столь очевидные доказательства благосклонности к вам Его Императорского Величества, что, я думаю, вполне могли бы пройти мимо моего дела и ни на один момент не останавливать на нем своего внимания. В сущности, и сам я придаю ему очень мало значения. Если вы позволите мне вполне изъяснить мою мысль, я вам скажу, что желал бы, чтобы вы поберегли свою попечительность для случаев более важных и для таких, где дело идет об участи лиц, придающих цену своей карьере. Эта попечительность Вашего Превосходительства была уже столь полезна целому ряду людей, что я смотрю на нее как на силу, прибегать к которой нужно редко. Но что представляется мне забавным в этой истории, так это то, что

я с самого ее начала предсказал Ивашеву то, что произойдет, и очень боюсь, что и в настоящем случае мои предположения также осуществятся. Вы увидите, что г. Кромин, благодаря своему покровителю, станет 30 августа генералом. Желаю ему всевозможного счастья, однако не хотел бы служить ступенькою для него. В таком случае, может быть, согласится дать и мне полк, но, вероятно, без чина полковника. Возможно, что в одно и то же время получит повышение и Постиг, потому что он является пятым, как мне пишет. При таком предположении, мое назначение в Вятский полк, в то время как я буду самым старым из старших офицеров Смоленского полка, станет нового рода унижением. Это будет иметь вид, что меня нашли неспособным командовать кавалерийским полком и выбросили вон, чтобы очистить место другому. Согласитесь, что это не из приятных. Жду вашего прибытия, генерал, чтобы получить от вас приказания относительно того, что мне делать теперь, и, повторяя свою благодарность за вашу благожелательность, прошу вас принять уверение в высоком уважении и совершенной преданности, с какими имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим и послушнейшим
службою Пестель.

Тульчин.
19 июля 1821 г.

2.

[Конец ноября—начало декабря 1821 г.].

Mon Général.

Des nouvelles que je viens de recevoir de Pétersbourg avec un exemplaire du prikaze de l'Empereur m'annoncent ma nomination au régiment de Viatka comme commandant. Il paroît que c'est arrivé après la réception du papier concernant M-r Krominne mais avant la dernière présentation de tous les changemens dans les chefs de régiment car ce prikaze est du 15 Novembre jour auquel le dernier papier ne pouvoit pas encor être à Pétersbourg. Je profite de cette occasion pour vous prier d'agréer encore une fois l'expression de toute ma vive reconnoissance pour l'intérêt

que vous m'avez témoigné dans cette occasion et dont je conserveroi éternellement le souvenir bien précieusement. De même acceptez l'assurance d'une chose dont il vous est impossible de douter c'est à dire de mon entier et parfait dévouement à votre personne. Je ne suis certainement pas phraseur et ce que je dis n'est que le langage de mes sentimens. Dès qu'il me sera possible de quitter la chambre¹ je compte me mettre aussitot en route pour ne plus perdre de tems car l'hyver avance et il y aura beaucoup à faire. C'est avec la plus haute considération que j'ai l'honneur d'être mon Général

de Votre Excellence

le très humble et très obeissant
serviteur Pestel.

Адрес на обороте 2-го листа: Его Превосходительству Милостивому Государю Павлу Дмитриевичу Киселеву.

Было запечатано красной сургучной печатью с гербом Пестеля.

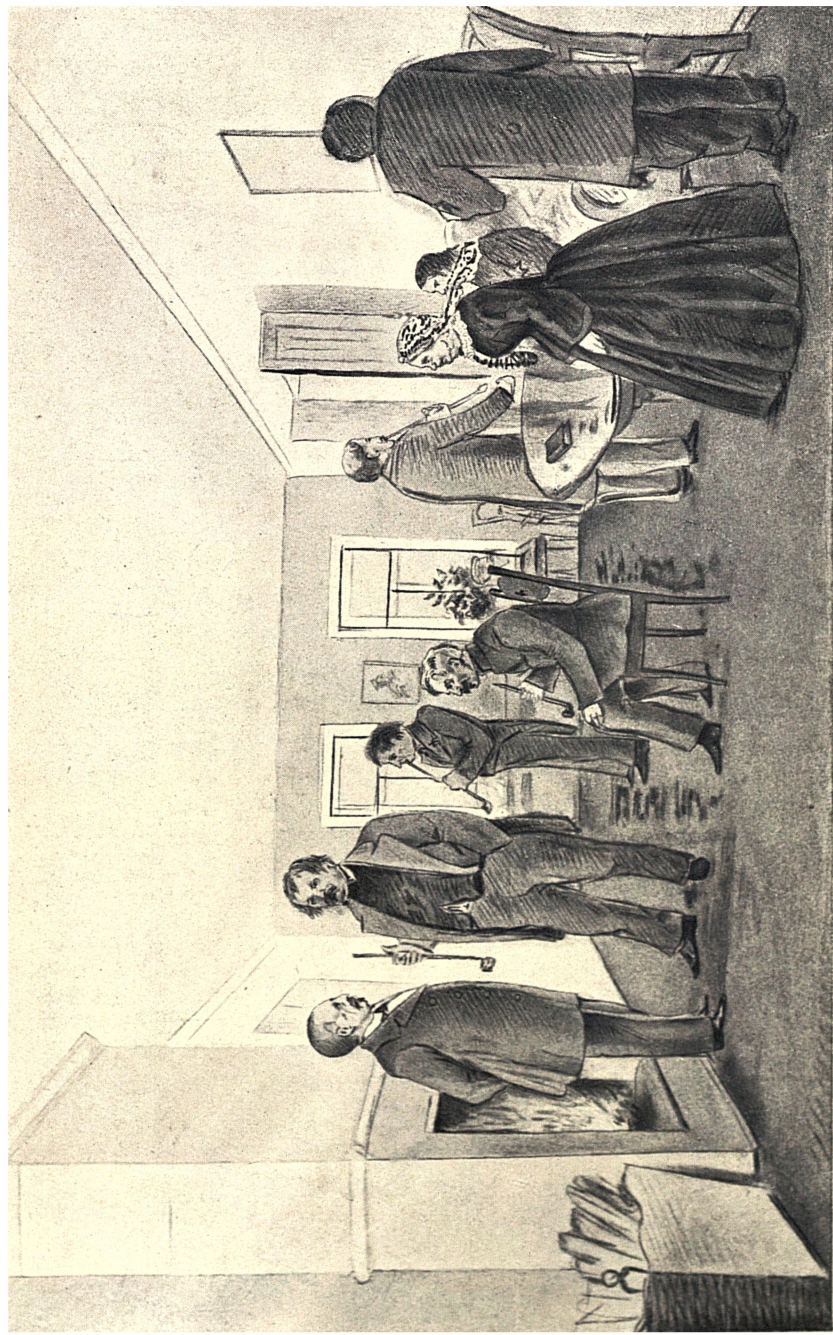
Перевод:

[Конец ноября — начало декабря 1821 г.].

Генерал,

Известия, которые я только что получил из Петербурга вместе с экземпляром высочайшего приказа, говорят о назначении меня командиром Вятского полка. Кажется, что это произошло после получения доклада о г. Кромине, но ранее последнего представления о всех переменах в составе полковых командиров, так как приказ этот датирован 15 ноября, когда означенное представление еще не могло быть в Петербурге. Пользуюсь благоприятным случаем, чтобы просить вас принять еще раз выражение самой живой моей благодарности за тот интерес, который вы проявили по отношению ко мне в этом случае и воспоминание о котором я сохраняю, конечно, навсегда. Также примите уверение в том, относительно чего вы не можете сомневаться, то есть, в моей полной и совершенной предан-

¹ Пестель был тогда, повидимому, болен. В другом письме Киселеву, относящемся к тому же времени, но не датированном, он жалуется на лихорадку и головные боли.

Комната в доме Н. И. Пущина в Ялудоровске.

(М. И. Муравьев-Апостол — у камна, Н. И. Пущин, В. К. Тизенгаузен, Н. Д. Якушкин — сидит).
Акварель.

ности к вашей особе. Я, конечно, не фразер, и сказанное мною есть язык моих чувств. Как только мне будет возможно выйти из дома, я тотчас же пушусь в дорогу, чтобы не терять даром времени, так как зима подвигается вперед и там будет много дела. С высочайшим уважением имею честь быть, генерал,

Вашего Превосходительства
покорнейшим и послушнейшим
службою Пестель.

3.

[Середина февраля 1822 г.].

Mon Général.

Cette lettre vous sera remise par le sous-lieutenant Milkowsky de mon régiment qui est aide de Camp de bataillon et qui n'ayant rien de très important à faire s'est chargé de cette course pour que cette lettre puisse parvenir leplustot possible à Votre Excellence. Les bontés que vous avez bien voulu avoir pour moi et l'intérêt bienveillant que vous m'avez accordé m'engagent à vous parler en détail sur tout ce qui regarde mon régiment et pour ne pas démentir mon ancienne habitude de tout numéroter c'est aussi par numéros que je m'en vais vous ennuyer maintenant.

1) Dès mon arrivée ici la première chose que j'aie fait a été de voir l'учебная команда. Toutes les compagnies à l'exception de Deux ont des manèges. Les trois chefs de bataillon en ont également un chacun mais le régiment n'en a pas et M-r Krominne a laissé passer tout l'hyver sans s'en occuper le moins du monde et sans avoir regardé une seule fois ni les учебныя команды ni les compagnies dans leurs travaux. Aussi tout cela est-il détestable, mais tellement détestable qu'il faut voir cela pour s'en faire une idée. Aussitot arrivé j'ai trouvé à acheter du bois pour faire un très grand manège mais il falloit mener ce bois sur les chevaux du régiment et comme je ne les avois pas encore reçus j'ai été obligé de demander son consentement. Il me l'a donné et ayant pris tous mes arrangemens pour que dans 8 jours le manège soit prêt je suis allé à Kieff. A mon retour j'espérois trouver mes soldats dans le manège. Aulieu de cela à mon grand étonnement et chagrin. rien n'avoit été fait parceque M-r Krominne avoit refusé de donner les chevaux d'une manière

chicaneuse. Son but étoit de m'empêcher de faire ce manège afin que l'on ne voie pas la différence entre l'ancien et le nouveau commandant. Il y a réussi car dès mon retour j'ai envoyé chercher presque par force le bois, mais il étoit déjà vendu parceque ce Monsieur voyant que je n'envoyois pas a trouvé moyen de s'en défaire. J'ai après cela trouvé un autre marchand et M-r Krominne a de nouveau mis des entraves en s'emparant de tous les traîneaux qui auroient pu amener le bois en disant que ces traîneaux lui appartenoient à lui. Je me suis vengé en lui disant tout ce qu'un homme d'honneur n'auroit jamais souffert mais je n'ai pas de manège. Ils n'ont pas d'idée de ce que c'est que l'exercisse. Tout cela dort du sommeil le plus profond. Je les réveille joliment mais avec les gens d'aprésent il est impossible de rien faire. Le régiment doit être rafraichi sans cela il y a de quoi se pendre.

2) Krominne n'a rien fait toute cette année que piller le régiment. Il a mis plus de 30.000 roubles dans sa poche et n'a rien fait, mais rien dutout, ce qui s'appelle rien. Aussi ça fait pitié à voir. Pour vous donner une idée de la manière dont il a commandé le régiment je ne vous citerai qu'une infamie entre mille. Il recevoit énormément beaucoup de bois pour le chauffage de l'hospital, du corps de garde et de la maison. Il a pris en argent pour 100 sagènes de bois et plus de 1.000 poudes de paille et l'hospital n'avoit du bois qu'un peu pour la cuisine mais *rien dutout* pour le chauffage des chambres où étoient les malades. Les лазаретные служители étoient envoyés en hyver chercher sur leurs épaules du бурьянъ à quatre verstes et devoient le couper en entrant dans l'eau jusqu'à la ceinture. C'est ainsi que ces malheureux chauffoient le poël des malades. Voilà ce que m'ont juré et le médecin et tous les officiers de l'Etat Major du régiment. Vous sentez bien mon général que j'ai mis joliment ordre à tout cela.

3) Je ne suis pas parvenu jusqu'aprésent à recevoir les papiers qu'il est obligé de me donner. Il emploie mille prétextes et tout son but est de m'empêcher de faire jusqu'à la revue¹ les changemens indispensables en trainant la remise du régiment autant que possible et il espère réussir en cela comme il a réussi pour le manège. C'est pour éviter cela que je demande des

¹ В этом году ожидался высочайший смотр войскам 2-ой армии, но был отложен и состоялся в следующем 1823 г.

médiateurs et que je vous supplie de vouloir bien ordonner la chose au plus vite car s'il faut attendre toutes les instances cela n'en finira pas.

4) L'intérieur du régiment se trouve dans un tel état que les cheveux vous dresseroient sur la tête d'entrer dans les détails de la chose. Il n'y a pas d'objets qui ne soient détestables et je ne sais comment je feroi pour paroître devant l'Empereur avec cet amas de dormeurs en guenilles. Le seul moyen de réparer un peu les dehors seroit d'envoyer sur le champ à Pétersbourg un officier entendu faire l'achat du приборъ de 1000 chacots de 1000 dessus de суммы, 1500 витишкетовъ¹ et encore différens objets. Je ne demanderois pas mieux que de faire cette dépense et c'est à cette fin que je vous envoie le courier présent. Je ne puis donner cette commission qu'au Capitaine Зыбинъ,² mais son rang fait que je ne puis pas le командировать. Si vous vouliez donc avoir la bonté de lui donner un passeport de congé pour 28 jours sans marquer cela dans le приказъ pour que mes autorités ne se fachent pas, la chose pourroit se faire mais comme il ne reste plus que très peu de tems j'aurois vous prié de vouloir bien ordonner que cela se fasse au plus vite. S'il achète tout cela et l'apporte à tems il faudra faire ouvrir tous ces objets et cela prendra beaucoup de gens. Voilà le désavantage et nous ne sommes pas forts sous le rapport du front. En vous présentant ainsi mon Général les avantages et les désavantages du projet je vous demanderoi votre conseil et c'est lui qui sera la règle de ma conduite. S'il faut envoyer Зыбинъ, alors ayez la grace de m'envoyer une lettre par lui au Général Zakrewsky afin qu'il y ait un подорожная car il faudra qu'il prenne trois chariots de poste.

5) Le régiment a une prétention de 48.000 roubles sur le Département des Vivres. 7000 appartiennent à des particuliers et le reste à Гартель. J'aurois chargé Зыбинъ qui l'y entend de tacher d'avoir cet argent et encore une lettre de vous auroit été certainement un des moyens les plus efficaces. Pardonnez mon

¹ Витишкет — золотой или серебряный шнурок у кавалеристов, прикрепляемый к киверу и обвивающий шею (Михельсонъ, Объясненіе всѣхъ иностр. словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русск. языкъ, т. I, М. 1877, стр. 111).

² В капитаны произведен 11 марта 1820 г.; уволен в отставку с чином майора 5 февраля 1823 г.

importunité mais elle ne dérive que de mon entière confiance en vos bontés. Je n'ai pas un seul подорожная et chaque fois il faut envoyer chez le prince¹ ce qui retarde toute communication. S'il étoit possible que vous m'en fassiez donner j'en présenterois le compte exacte.

6) Mon régiment est de nouveau à Machnowka avec deux compagnies et s'il faut encore aller à Toulzyn alors réellement il n'y aura plus moyen de rien faire.

7) Maintenant j'en viens au point le plus important celui des officiers. En general on ne peut pas dire qu'ils soient très mauvais. Mais ils sont très communs, très endormis, très découragés et très peu instruits dans le service. Je crois qu'il est indispensable de rafraichir le régiment sous ce rapport et je joins ici une petite note de ceux que je crois bien utile de faire passer au plus vite dans d'autres régimens. Ce seroit une grande grace que vous me feriez en mettant cette prière à exécution. Quant aux chefs de bataillon: le lieutenant colonel *Качаповъ* seroit un bon commandant de régiment. C'est un homme qui sait parfaitement bien le service et le front sous les rapports de ce que doit faire le commandant du bataillon mais qui est bien loin d'avoir le feu nécessaire et les connoissances pour apprendre le soldat. Je voudrois qu'il commandât le second bataillon parceque c'est un homme d'honneur à ce qu'il me paroît. Le major Gnoevoy est un très grand parleur et un Russe dans le sens de Madame de Staël. Il en reste au début car son bataillon est presque plus mauvais que le troisième. *Химотченко* vous dira comment il a trouvé sa troupe d'exercisse. L'histoire et la fin d'Adamoff² lui ont donné une

¹ Вероятно, князь Сибирскій, Александр Вас., дивизионный командир Пестеля.

² Разумеется, вероятно, *Адамов 2-й*, подполковник, командир Камчатского полка, в котором в конце 1821 г. случилось открытое неповиновение солдат начальству: «При смѣнѣ полковниковъ, писалъ объ этомъ Киселевъ Закревскому 24 января 1822 г., начались рожоты, и тутъ оказались злоупотребленія. Полковые, как и ротные командиры, повидимому жѣлали прикрыть утраченные деньги собственностію солдата, — всѣ, вѣроятно, успѣли, но одинъ Камчатскаго полка капитанъ вздумалъ вмѣсто изворотливости употребить налки и роту противу себя поставить. — отказали деньги, отказали провіантъ и, наконецъ, когда глупый и корыстолюбивый начальникъ вздумалъ за это наказывать каптенармуса, то рота просила помилванія, а трое солдатъ, не видя успѣха въ прозбахъ, отняли налки у унтеръ-офицеровъ, вѣроятно, на то согласныхъ, и доказали, что командиръ, потѣрпѣвшій

telle idée de sa personne que je serois enchanté si vous le fassiez passer dans un des régimens du 6-e corps p. ex. dans celui de Tomsk à la place de Блоружевъ et ce dernier chez moi.¹ Avec lui aussi son frère pour lequel il m'a prié de faire en sorte que la faute dans les приказы soit réparé car il est dit dans les uns que le capitaine en second Gnoevoy est passé dans le régiment de Viatka et dans d'autres dans celui de Witepsk. Gnoevoy commande mal et très mal et fait à chaque instant des fautes. Le major du second bataillon *Ейвальд* est celui qui a le plus de feu et le plus d'успѣха² mais il est tellement brouillon qu'il devient insupportable. Il a fait la révision des аптечь et n'y a rien vu. J'ai été obligé de faire un tapage de tous les diables pour y mettre de l'ordre et maintenant cela ira. Il pourroit commander un 1-er ou un 3-e bataillon dans un régiment déjà tant soit peu en ordre mais ce n'est qu'un pauvre aide pour un régiment comme celui de Viatka. Le résumé de tout cela est que je voudrois me défaire de tous les trois chefs de bataillon sans exception

нравственною силу, противу подчиненныхъ во все остается безъ-силѣнъ... Тутъ болѣя всѣхъ виновенъ Адамовъ, каторой въ ссорѣ съ капитаномъ». «Адамовъ слухъ и былъ причиною требованія солдатъ», писал Киселевъ Закревскому, возвращаясь к этой истории. 13 февраля того же года. Из Камчатского полка Адамов 10 апреля 1822 г. был переведен в 38-ой егерский полк. Может быть, впрочем, Пестель разумел здесь другого Адамова, 1-го, полковника, некоторое время предназначавшегося, кажется, к командованию Вятским полком (см. выше, примеч. на стр. 155), командира особого учебного батальона при главной квартире 2-ой армии. О нем писал Киселев Закревскому 13 июля 1819 г.: «Я занимаюсь теперь составленіемъ учебнаго баталіона, кторой повидимому поручится Адамову 1. — Правила составленія и роспуска сего баталіона основаны особеннымъ образомъ и, кажется, полѣзнымъ, боюсь только не ошибится въ выборѣ командира, ибо Адамова мало знаю и другаго здѣсь не вижу». О смерти его Киселев писал тому же Закревскому 5 июня 1821 г.: «Тебѣ извѣстно уже, что Адамовъ умѣръ и съ нимъ всѣ успѣхи и дѣятельность учебнаго моего баталіона».

¹ Пестель избавился от Гноевого только в следующем 1823 году: 31 марта этого года Гноевой был переведен в Азовский пехотный полк. В Вятском полку он служил с 11 марта 1820 г., будучи переведен туда из Камчатского полка. Брат его, штабе-капитан, уволен в отставку 5 февраля того же 1823 г. с чином капитана, по болезни.

² Майору Вятского полка Эйвалту 10 декабря 1819 г. было объявлено высочайшее благоволение за сохранение людей батальона при работах в округах военного поселения Бутской уданской швизии. 9 апреля 1822 г. он переведен в Тобольский пехотный полк.

et de beaucoup d'officiers. Ils seront bons dans des bons régimens mais ici ils sont réellement inutiles. Donnez moi Блоружевъ et Гиллокишкинъ s'il se peut pour le 1-er et le 3-e bataillon et Каспаровъ ou un autre pour le second et vous verrez come tout ira. Je crois pouvoir vous assurer que je feroi beaucoup à moi seul mais je ne puis pas faire tout et ces deux messieurs ayant été fait lieutenant Colonels ont une raison de plus de ne pas s'offenser et de prouver leur mérite. En outre je vous nommeroi encore le Cap[itaine] en second *Шонертъ* du reg[iment] de Козловъ et les Lieutenants Фокъ ¹ изъ Азовскаго, Кардашевскій изъ Днепровскаго и Пустовойтовъ и Майборода ² (Cap[itaine] en second) du 35-e de Chasseurs. Avec ces officiers là le régiment prendra au bout d'un an tout une autre mine, mais il ne faut rien moins que cela pour le rafraichir. Ceux qui sont à Toulzyn ³ viendroient après la revue si vous le trouviez bon. Vous direz mon General que je choisis trop mais réellement il est impossible de rien faire sans cela.

8) En dernier lieu veuillez avoir la bonté de me dire si nous irons avec deux ou trois bataillons. Dans un an je ne feroi plus de ces questions mais maintenant je ne puis pas ne pas les faire.

J'ai conscience de vous avoir importuné si longtems. Et je finis en présentant mes hommages à Madame votre épouse et en vous priant de recevoir l'assurance du dévouement sans bornes que je vous porte et avec le quel j'ai l'honneur d'être

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant
serviteur P. Pestel.

Milkowsky devoit aller à Balta et c'est pour cela que je l'ai prié d'aller jusqu'à Odessa. ⁴

¹ Вероятно, ошибка, вм. Фохта, декабриста, состоявшего во время декабрьского восстания штабс-капитаном Азовского полка.

² Известный предатель Пестеля. В Вятский полк он переведен 10 апреля 1822 г., а 8 апреля 1823 г. произведен в капитаны.

³ Большая часть офицеров, о переводе которых в Вятский полк просил Пестель, временно состояли, очевидно, при учебном батальоне в Тульчине, где Пестель и имел возможность, по своему званию адъютанта главнокомандующего, близко узнать их.

⁴ Письмо было отправлено в Одессу, где тогда находился Киселев. Последний отвечал Пестелю 17 февраля. Выражая уверенность в том, что Пестель, благодаря твердой воле и умению распоряжаться средствами, преодолеет встретившиеся ему затруднения, Киселев удивился плохой атте-

Перевод:

[Середина февраля 1822 г.].

Генерал,

Настоящее письмо будет передано вам подпоручиком моего полка Мильковским, батальонным адъютантом, на которого, за отсутствием важных дел, возложена эта поездка, чтобы письмо могло дойти до Вашего Превосходительства как можно скорее. Благосклонность, которую вы изволите оказывать по отношению ко мне, и благожелательный интерес, которым вы меня дарите, обязывают меня подробно говорить вам обо всем, касающемся моего полка, и я, чтобы не изменять своей старой привычке располагать все по цифрам, и в настоящем случае буду документировать вам также по пунктам.

1) Первым делом моим по прибытии сюда было осмотреть учебную команду. Все роты, за исключением двух, имеют манежи. Три батальонных командира также имеют их каждый, но полк не имеет, и г. Кромин во всю зиму ни в малейшей степени не был этим занят и ни разу не осмотрел ни учебные команды, ни роты в их занятиях. Все это отвратительно, но отвратительно до такой степени, что надо все это видеть, чтобы иметь о том представление. Тотчас по своем прибытии сюда я нашел продажного лесу для постройки очень большого

станции майора Гноевого, считавшегося всегда хорошим офицером, и указывал на то, что в Киевской губернии манежи строятся обыкновенно на местные средства. Относительно растраты Кроминым 30.000 рублей полковых денег он отказывался предпринять официальные шаги, не имея формальных доказательств растраты, а только слухи о ней. Особую денежную помощь полку, по его мнению, нельзя получить, вследствие затруднительного положения государственного казначейства, и даже Закревский ничем не мог бы содействовать в этом отношении. Желание Пестеля иметь сразу новых трех подполковников в полку Киселев находит чрезмерным, несправедливым по отношению к остальной армии и осуществимым только в порядке постепенности. На перевод в Вятский полк офицеров из сводного учебного батальона он также не соглашается, потому что это значило бы обкрадывать те полки, из которых они были взяты и которым было обещано обратное их возвращение. В лагеря полки должны будут выступить, вероятно, в полном составе. Отпуск Зыбину, бланк подорожной и письмо Закревскому посылаются. В заключение Киселев просит Пестеля не забыть составить для него биографии всех офицеров 2-ой армии, так как такой общий каталог будет для него очень полезен для справок. — Следующее далее письмо Пестеля от 23 февраля 1822 г. является ответом на это письмо Киселева.

манежа, но этот лес нужно было перевозить на полковых лошадях, и так как я их еще не принял, то должен был просить его соизволения. Он дал его мне, и я, сделавши все приготовления к тому, чтобы манеж был готов через 8 дней, уехал в Киев. Я надеялся по возвращении найти своих солдат уже в манеже. Вместо того, к моему большому изумлению и огорчению, ничего не было сделано, потому что г. Кромин, под разными предлогами, отказался дать лошадей. Его целью было помешать постройке манежа, чтобы не видно было разницы между старым и новым командирами. И он в этом успел, так как по возвращении своем я посылал искать лесу почти силою, но он был уже продан, потому что тот господин, видя, что я не присылаю за ним, сбыв его с рук. После этого я нашел другого продавца, но г. Кромин снова поставил препятствия, захвативши все сани, на которых можно было доставить лес, говоря, что эти сани принадлежат ему. Я ему отомстил словами, которых честный человек никогда бы не потерпел, но за то я остался без манежа. Они не имеют представления о том, что такое военное обучение. Все спит самым глубоким сном. Я их порядком расшевеливаю, но с этими людьми ничего нельзя сделать. Полк должен быть освежен, без этого есть отчего повеситься.

2) Кромин за весь этот год только ограбил полк. Он положил себе в карман более 30.000 рублей и ничего не сделал, решительно ничего. Жалко смотреть на это. Чтобы дать вам представление о том, каким образом он командовал полком, я расскажу вам только об одной из тысячи подлостей. Он получал огромное количество дров для отопления госпиталя, кордегардии и дома. Деньгами он взял на 100 сажен дров и более чем на 1000 пудов соломы, и госпиталь имел только небольшое количество дров для кухни и *совсем ничего* для отопления комнат, в которых находились больные. Лазаретные служители зимою были посылаемы за четыре версты приносить на своих плечах бурьян и должны были срезать его по пояс в воде. Таким то образом несчастные топили печку больных. Вот то, в чем мне божились и врач и все штаб-офицеры полка. Вы вполне поймете, генерал, что я принял надлежащие меры во всем этом.

3) До настоящего времени я не добился того, чтобы получить от него бумаги, которые он обязан мне сдать. Он поль-

зается тысячью предлогов, и вся его цель состоит в том, чтобы воспрепятствовать произвести до смотра необходимые перемены, отлагая, насколько возможно дальше, сдачу полка, и он надеется в этом на успех, так же как имел успех в деле с манежем. Для того именно, чтобы избежать этого, я и требую посредников и умоляю вас распорядиться этим как можно скорее, так как, если нужно ждать все инстанции, то это никогда не кончится.

4) Внутренняя жизнь полка находится в таком состоянии, что у вас волосы поднялись бы на голове, если бы войти во все подробности дела. Нет вещей, которые не были бы в отвратительном виде, и я не знаю, как я могу предстать пред Императором с этой толпой сонливцев в лохмотьях. Единственным средством поправить несколько внешность полка было бы немедленно послать в Петербург толкового офицера купить прибор к 1000 киверов из 1000 сверх суммы, 1500 вишкетов и еще разных предметов. Ничего лучшего, как возможности произвести этот расход, я не просил бы и с тою именно целью посылаю к вам настоящего курьера. Я могу дать это поручение только капитану *Зыбину*, но его чин не позволяет мне командировать его. Поэтому, если бы вы сообразовали дать ему отпускной билет на 28 дней, не отмечая этого в приказе, чтобы не рассердилось мое начальство, дело могло бы устроиться, но, так как времени остается очень мало, я просил бы вас распорядиться, чтобы это было исполнено как можно скорее. Если он купит все это и во-время привезет, нужно будет заставить все эти вещи изготовить, а это займет много людей. Вот в чем неудобство, а в отношении фронта мы не сильны. Представляя, таким образом, вам, генерал, выгоды и неудобства проекта, я прошу вашего совета, и именно этот совет определит мой образ действий. Если нужно послать *Зыбина*, тогда сделайте милость пришлите мне с ним письмо генералу Закревскому, чтобы *Зыбин* получил там подорожную, так как ему необходимо будет взять три почтовых повозки.

5) Полк имеет претензию к провиантскому департаменту в 48.000 рублей. 7.000 принадлежат частным лицам, а остальные артели. Я поручил бы *Зыбину*, который в таких делах опытен, постараться получить эти деньги, и другое письмо от вас было бы одним из наиболее действительных к тому способов. Простите мою навязчивость, но она проистекает именно от

совершенной уверенности моей в вашей любезности. У меня нет только подорожной, и каждый раз нужно посылать для этого к князю, что замедляет всякие сношения. Если бы возможно было, чтобы вы приказали мне ее дать, я представил бы в ней точный отчет.

6) Мой полк снова в Махновке с двумя ротами, и, если будет нужно идти еще в Тульчин, в таком случае действительно нельзя будет что-нибудь сделать.

7) Теперь я перейду к пункту наиболее важному, именно об офицерах. В общем нельзя сказать, что они весьма плохи. Но они очень посредственны, вялы, пали духом и очень мало знают службу. Я считаю необходимым освежить полк в этом отношении и присоединяю здесь маленькое сообщение о тех, которых очень полезно, по моему мнению, перевести как можно скорее в другие полки. Большим благодеянием для меня было бы, если бы вы исполнили эту просьбу. Что касается батальонных командиров, то подполковник *Каспаров* был бы хорошим командиром полка. Это человек, который в совершенстве знает службу и фронт в отношении того, что должен делать командир батальона, но который очень далек от того, чтобы иметь необходимый пыл и знания для обучения солдата. Я хотел бы, чтобы он командовал вторым батальоном, так как это честный человек, как мне кажется. Майор *Гноевой* большой болтун и русский человек в смысле *Madame de Staël*. Он не пошел дальше первых шагов, потому что его батальон почти хуже чем третий. *Химотченко* скажет вам, в каком состоянии он нашел его учебную команду. История и конец *Адамова* внушили ему такое мнение о собственной персоне, что я был бы очарован, если бы вы перевели его в один из полков 6-го корпуса, например в Томский на место *Белогужева*, а этого последнего ко мне. С ним вместе также и его брата, о котором он просил меня устроить, чтобы была исправлена ошибка в приказах, так как в одних сказано, что штабс-капитан *Гноевой* переведен в Вятский полк, а в других — в Витебский. *Гноевой* командует плохо, очень плохо, и делает ошибки на каждом шагу. Майор второго батальона *Енвальд* есть тот, который всех более имеет и ревности и усердия, но он до такой степени вздорен, что становится несносным. Он производил ревизию артелей и ничего там не увидал. Я должен был взбудоражить всех чертей, чтобы навести там порядок, и теперь дело пойдет. Он мог бы коман-

довать 1-м или 2-м батальоном в полку, находящемся более или менее в порядке, но это плохой помощник в таком полку, как Вятский. Заключение изо всего этого то, что я желал бы избавиться ото всех трех батальонных командиров без исключения и от многих офицеров. Они будут хороши в хороших полках, но здесь они совершенно бесполезны. Дайте мне Белогужева и Глинокишкина, если это можно, для 1-го и 3-го батальонов, и Каспарова или кого другого — для второго, и вы увидите, как все устроится. Считаю возможным уверить вас в том, что много сделаю сам, но я не могу сделать всего, а эти два господина, сделавшись подполковниками, будут иметь основание не обижаться и оправдывать свое повышение. Кроме того, я назову вам еще штабс-капитана *Шонерта* из Козловского полка, поручика *Фока* из Азовского, *Кардашевского* из Днепровского и *Пустовойтова* и *Майборода* (штабс-капитан) из 35-го егерского. С этими офицерами полк через год получит совсем другой вид, но это совершенно необходимое условие для его освежения. Те, кто теперь в Тульчине, явились бы после смотра, если вы это сочтете полезным. Вы скажете, генерал, что я выбрал слишком многих, но действительно без этого ничего нельзя сделать.

8) Наконец, соблаговолите мне сказать, пойдем мы с двумя или тремя батальонами. Через год я не буду больше делать таких вопросов, но сейчас я не могу не задавать их.

Сознаю, что надоедаю вам такое долгое время. И кончаю, свидетельствуя свое уважение вашей супруге и прося вас принять уверение в безграничной преданности, с которою я к вам отношусь и с которою имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим и послушнейшим
слугою П. Пестель.

Мильковский должен ехать в Балту, и вот почему я просил его доехать до Одессы.

4.

Mon Général,

J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre que vous avez bien voulu m'écrire et je vous rends un million de graces de ce que malgré le grand nombre et l'embarras de vos occupations vous ayez encore trouvé le tems de vous occuper avec tout de détail

de toutes les prières que je vous avois adressées. Je conçois à merveille, mon général, qu'ayant promis de renvoyer aux régimens les officiers du bataillon d'exercisse vous ne pouvez pas les faire passer chez moi, mais je suis sur que si vous aviez vu le régiment de Viatka en détail comme je l'ai fait, vous auriez dit que c'est bien concevable que je desire pour le rendre bon d'avoir des gens bien versés dans leur savoir faire. Si nous resterions sur place toute cette année et si j'avois des officiers comme ceux que j'ai demandé je réponds que le régiment de Viatka seroit un des bons si ce n'est un des meilleurs de l'armée. Lorsque j'aurai l'honneur de vous voir vers la mi-mars je vous diroï quel plan j'ai formé à ce sujet. Comme il est impossible de faire sortir de suite tous les officiers qu'il seroit utile d'éliminer je prends la liberté d'ajouter une liste dans la quelle je nomme ces messieurs d'après l'ordre comme je desirerois de m'en défaire. Le plus indispensable seroit de faire sortir le *Major Einvald*. C'est un homme au quel il est de toute impossibilité de rester dans un régiment où il y a à son égard des antécédens comme les siens. Il a eu le sort de Nasimoff il y a de cela assez longtems et au lieu de se conduire comme il faut dans de pareilles occasions, c'est encor lui qui a demandé pardon tellement il étoit dans son tort. Je crois même si je ne me trompe que c'étoit une affaire de cartes. Il est de toute impossibilité après cela qu'on l'écoute puis qu'on le méprise et je crois que rien ne gâte le service et la discipline comme quand un chef ne peut pas toujours parler librement. Quand à Gnojevoy, je crois que je m'arrangeroï avec lui encor plustot car comme je suis infiniment poli mais infiniment exigeant il verra bien que c'est moi qui suis le chef et pas lui. Pour Kasparoff il vaudrait aussi mieux le faire passer ailleurs. Il étoit très bon chef avant le tems ou le régiment a tenu le cordon sur les frontières d'Autriche, mais depuis ça va mal avec les chefs de compagnie car il doit y avoir eu poulors des affaires de contrebande. Kaufmann¹ et Priàjewsky² y ont été mêlé aussi. Mais ces affaires étoient de l'hommerie car la pauvreté est une terrible chose et 23 ans de service sans reproche comme Kasparoff peuvent bien effacer un moment rephensibile mais ne rendent

¹ Подполковник Вятского полка фон-Кауфман был переведен в Селенгинский пехотный полк еще 11 марта 1820 г.

² Капитан Вятского полка Пражевский произведен в майоры 7 октября 1819 г.

plus le respect aux subordonnés. De grace mon Général faites passer chez moi aumoins le capitaine Машкевичъ du régiment de Kamtschatka. C'est un bon officier de front et en outre un grandissime connoisseur en fait d'oboze; or il faudra refaire le mien entièrement à neuf et ici personne ne s'y entend à commencer par moi. Pardonnez la liberté avec la quelle je vous importune des affaires du régiment de Viatka mais vous n'avez pas d'idée à quel point je desirerois que le régiment fut bon afin de vérifier le choix que vous avez fait de moi pour le comandier. Aussi suis je entièrement à mon affaire et tout et uniquement occupé des cinq pas d'enseignement¹, des vitichkety, des chacos, etc. etc. Je ne vois et qui plus est je ne pense qu'à cela. C'est étonnnat comme les positions et les circonstances plient l'homme à leur façon! Si j'ose encore une fois demander ce qui concerne les seconds bataillons c'est que mon excuse est dans les dépenses qu'il faut absolument faire sur le champ pour cela et qui réparties entre deux bataillons produiront plus d'améliorations que divisées entre trois.

C'est avec les sentimens du plus parfait dévouement et de la plus haute considération que j'ai l'honneur d'être mon Général

de Votre Excellence

le très humble et très obeissant serviteur

P. Pestel.

Le 23 Février 1822.

Зыбинъ part demain matin.

Перевод:

Генерал,

Я имел честь получить письмо, которое вы изволили мне написать, и приношу вам миллион благодарностей за то, что, несмотря на обилие и сложность собственных дел, вы нашли еще время заняться так подробно всеми просьбами, которые я вам направил. Я прекрасно понимаю, генерал, что, обещавши возратить в полки офицеров учебного батальона, вы не можете перевести их ко мне, но я уверен, что если бы вы увидали

¹ Говорится, вероятно, об изобретенном Желтухным и вводившемся тогда во 2-й армии новом учебном шаге.

Вятский полк в подробностях, так же как и я, вы бы сказали, что весьма понятно мое желание иметь знающих людей для того, чтобы привести его в хорошее состояние. Если бы мы остались на месте весь этот год и если бы я имел офицеров вроде тех, которых просил, я отвечаю за то, что Вятский полк был бы одним из хороших, если не одним из самых лучших полков в армии. Когда я буду иметь честь видеть вас в половине марта, я вам скажу, какой план я составил насчет этого предмета. Так как невозможно, чтобы все офицеры, которых полезно было бы исключить, были удалены немедленно, я позволяю себе приложить здесь список, в котором называю этих господ в том порядке, в каком я желал бы от них избавиться. Наиболее необходимым было бы удалить *майора Ейвальда*. Это человек, которому совершенно невозможно оставаться в полку, где в прошедшем имеются такие поступки, как его. С ним случилось то же, что с Назимовым, это уже довольно давно, и он, вместо того, чтобы вести себя в подобных случаях как следует, просил еще прощения, до такой степени он был виноват. Я даже думаю, если не ошибаюсь, что это было карточное дело. После этого совершенно невозможно, чтобы его слушались, так как его презирают, а я считаю, что ничто так не портит службы и дисциплины, как то, когда начальник не может говорить всегда свободно. Что касается Гноевого, то я думаю, что устроюсь с ним еще скорее, так как, ввиду того, что я бесконечно учтив, но и бесконечно требователен, он прекрасно увидит, что именно я, а не он начальник. Каспарова было бы лучше также перевести в другое место. Он был очень хорошим начальником до того времени, как полк держал кордон на границах с Австрией, но после того у него плохо дело с ротными командирами, потому что он должен был быть замешан тогда в контрабанде. Кауфман и Пряжевский также были тут замешаны. Но это было делом человеческой слабости, так как бедность ужасная вещь, и 23 года беспорочной службы, как у Каспарова, могут вполне загладить момент достойный порицания, однако они уже не возвратят уважения со стороны подчиненных. Пожалуйста, генерал, переведите ко мне по крайней мере капитана Машкевича из Камчатского полка. Это хороший фронтовой офицер и кроме того grandissime знаток обоза, а мой нужно весь восстановить заново, и здесь никто в этом ничего не понимает, начиная с меня самого. Простите смелость, с которою я надое-

даю вам делами Вятского полка, но вы не представляете себе, до какой степени я желал бы, чтобы полк был хорошим, дабы оправдать ваш выбор меня командиром его. За то я нахожусь всецело при своем деле и весь и безраздельно занят обучением пяти шагам, витишкетам, киверами и пр. и пр. Не вижу и, что хуже еще, не думаю ни о чем кроме этого. Удивительно то, как положение и обстоятельства сгибают человека на свой фасон! Если я еще раз осмеливаюсь просить о том, что касается вторых батальонов, то извинением мне служат издержки, которые абсолютно необходимо произвести для этого немедленно и которые, будучи распределены между двумя батальонами, дадут более улучшений, чем разделенные на три батальона.

С чувством совершеннейшей преданности и высочайшего уважения имею честь быть, генерал,

Вашего Превосходительства
покорнейшим и послушнейшим слугою

П. Пестель.

23 февраля 1822 г.

Зыбин едет завтра утром.

5.

Mon Général,

Parti de Toulzyn j'ai passé par Machnowka pour aller à Berdicheff où j'ai acheté 14 chevaux de train. J'espère en acheter encore 6 demain; ce qui fait qu'en voila 20 de bons de plus dans le régiment. Maintenant je devrois envoyer à Novomirgorod où il y a une grande foire pour en acheter encore 20; après quoi le régiment ne seroit plus dans la honteuse position de ne pouvoir pas marcher si l'ordre en étoit donné avec deux bataillons. Mais pour cet achat il faut de l'argent et je n'en ai plus. Pressé de cette manière de tous les côtés pour les besoins indispensables du régiment j'ai pris le parti et la liberté de vous adresser le rapport ci joint. Mes autres chefs ne peuvent rien faire dans cette affaire j'ai donc pensé qu'il seroit inutile de les en incommoder. Si la chose est possible ayez la grace de le faire. Si elle ne l'est pas ne vous fachez pas de ce que je vous importune tout et continuellement. Les *Котлы* me couteront près de 5000 roubles. Toutes les

fabriques sont prises et pas moyen d'avoir à meilleur marché et pour le 1-er de Mai tout sera pris. Encore une dépense enorme. Quant à l'обозъ j'ai eu une autre idée. Le faire au régiment demanderoit un tems infini car il n'y a pas de bois et il faudroit sécher celui que livreroient les forêts de la couronne ce qui dureroit trop longtems. J'ai donc envoyé à Kieff savoir si dans l'arsenal il n'y en auroit pas un tout pret qu'on put acheter. Si c'est ainsi je m'adresserois alors encore à la bonté de Votre Excellence pour que vous ayez celle de demander officiellement au Ministre de la Guerre qu'il donne l'ordre à l'arsenal de Kieff de donner l'Обозъ за Штатныя црны. Ce seroit parfait car alors je paroîtrois au Camp avec tout le train nouveaux et d'excellens chevaux. Ce ne seroit pas mal d'avoir fait tant de choses en si court espace de tems. Vous avez trop à faire pour que je vous ennuie plus longtems. Agréez donc mes félicitations pour les fêtes¹ et permettez moi de vous prier de me mettre aux pieds de Madame de Kissileff² pour la bonté qu'elle a eu d'ordonner qu'on m'envoyât le pied de cerf. Je l'ai déjà reçu. C'est avec un dévouement entier et la plus haute considération que j'ai l'honneur d'être mon Général

de Votre Excellence

le très humble et très obeissant serviteur

Pestel.

Staviche,³

Ce 2 Avril 1822.

Перевод:

Генерал,

Выехав из Тульчина, я проехал через Махновку в Бердичев, где купил 14 обозных лошадей. Завтра надеюсь купить еще 6, и вот таким образом в полку оказывается 20 новых хороших лошадей. Теперь я должен бы послать в Новомиргород, где большая ярмарка, чтобы купить еще 20, после чего полк не был бы больше в постыдном положении, не имея возможности выступить с двумя батальонами, если последует об этом приказ.

¹ Праздник Пасхи.

² Супруга Киселева, урожденная графиня Потоцкая, София Станиславовна.

³ Может быть, Ставище, местечко Таращанского уезда, Киевской губ.

Но для этой покупки нужны деньги, а у меня их нет больше. Подавленный со всех сторон неотложными нуждами полка, я взял на себя смелость обратиться к вам с прилагаемым рапортом. Так как прочие мои начальники не могут ничего сделать в этом деле, я думаю, что было бы бесполезно и беспокоить их. Если возможно, сделайте милость, исполните. Если же нельзя, то не сердитесь на то, что я постоянно и очень надоедаю вам. *Котлы* будут мне стоить около 5000 рублей. Все заводы заняты и нельзя иметь дешевле, и к 1-му мая все будет взято. Еще огромный расход. Относительно же *обоза* у меня есть другая идея. Сделать его силами полка потребовало бы бесконечного времени, так как нет леса, и пришлось бы сушить тот, который бы предоставили казенные леса, что затянулось бы очень надолго. Поэтому я послал в Киев узнать, нельзя ли купить его в арсенале совсем в готовом виде. Если да, то я еще раз обратился бы к благосклонности Вашего Превосходительства, чтобы вы официально запросили у военного министра приказа Киевскому арсеналу о выдаче *обоза за штатные цены*. Это было бы совсем хорошо, так как тогда я явился бы в лагерь с совершенно новым обозом и с превосходными лошадьми. Было бы не дурно сделать все это в короткое время. У вас слишком много дел, чтобы я еще дольше надоедал вам. Примите поэтому мои поздравления с праздниками и позвольте мне повергнуться к стопам Madame Киселевой за любезную присылку по ее приказанию оленьей ноги. Я ее уже получил. С полною преданностью и высочайшим уважением имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим и послушнейшим
слугою Пестель.

Ставиш.
2 апреля 1822.

6.

[1822 г.].

Mon Général,

Quand vous recevez une lettre d'un chef de régiment vous vous attendez d'avance je suis sur à des lamentations ou à des prières et en cela vous n'êtes que bien rarement trompé dans votre attente. Ne voulant pas d'exception à la règle générale ma

lettre aussi ne sera composée que de ces deux chapitres, mais pour ne pas vous impatienter d'avance je me dépêche bien vite mon général de vous dire que les choses que je me propose de demander cette fois sont toutes parfaitement insignifiantes.

D'abord je joins ici une petite note dans laquelle je vous prie de faire passer dans mon régiment un frère de Mayboroda qui sert comme sousofficier au régiment de Poltava Infanterie et de faire passer un souslieutenant Staroselsky dans le régiment de Kieff Dragons.¹ C'est un très bon sujet qui a de la fortune et qui desire tout naturellement de servir dans la cavalerie d'autant plus qu'il a des proches parens la bas. En second lieu comme mon régiment doit prendre ses quartiers d'hyver à Linzy j'ai pris des informations concernant les quartiers et me suis procuré la dislocation de l'isprawniek d'après la quelle je vois que les compagnies devront être repartis autrement qu'elles ne l'étoient dans le 35-me de chasseurs afin que les chefs de bataillon soient autant que possible prêts de compagnies et à égale distance de toutes. D'après cela Votre Excellence ne voudroit-elle pas avoir la bonté d'ordonner que le 1-er bataillon soit à *Monastirischitche* et le 3-ème à *Dachewo*. Le second resteroit à Lipowetz. Je demande ce changement dans le cas que mon régiment occuperoit les mêmes endroits ni plus ni moins que le 35-e. Mais comme les quartiers actuels de Barichnicoff sont extrêmement étroits et que d'après la nouvelle dislocation il parait que les troupes seront plus au large alors de grace donnez moi tous les endroits qu'occupaient le 35-e au mois d'avril de l'année passée. Dans ce dernier cas le 3-ème bataillon resteroit à Tétieff et le 1-er iroit à Dachewo; ce qui seroit parfait sous tous les rapports. Mais si ceci ne pouvoit en aucune façon avoir lieu alors veuillez avoir égard à la première demande.

Les remercimens que donne le Général en chef non seulement à ceus qui rendent les régimens promptement mais même à ceux qui les reçoivent promptement sont des reproches indirects qui m'atteignent pourtant assez visiblement. Je ne puis pas ne pas le

¹ Записка, приложенная к письму, находится в архиве Киселева вместе с письмами Пестеля. Старосельский, в чине поручика, был вызван в Петербург по делу декабристов; после этого «за отличие» произведен в штабс-капитаны и переведен в Воронежский пехотный полк. Брат Майбороды в записке обозначен португеей-прапорщиком.

sentir quoique réellement je sois entièrement innocent. Votre Excellence savez vous même quel régiment j'ai reçu et combien j'ai fait de condescendance pour finir plus vite avec mes prédécesseurs. Ceux qui ont obtenu les régimens de Perme et de Sélinguinsk ont reçu deux régimens dont l'interieur étoit parfaitement dans le meilleur état. A l'avantage donc d'avoir de bons régimens ils joignent l'avantage d'avoir encore des remerciemens. Boulgarsky depuis deux ans ne parvient pas à finir et ne paye pas le sou. Il me donne toujours sa parole d'honneur que le mois prochain il m'enverra l'argent qu'il me doit et lorsque ce tems arrive il m'envoie au lieu d'argent encore une fois sa parole de payer. Voila comme il m'amuse depuis le mois de Janvier et si cela continue encore quelque tems alors je ne sais plus que faire car je suis tellement à sec maintenant que je n'ai plus rien. L'attente de l'arrivée de l'Empereur m'a aussi beaucoup trompé car elle m'a obligé à d'énormes dépenses. Mais enfin tel est mon sort. Je dois toujours combattre contre les hommes ou les circonstances. C'est il faut l'avouer un dur métier. Pardon mon Général de ce que je vous parle si franchement mais ne vous en prenez qu'aux bontés que vous m'avez toujours témoignées et qui avec la plus grande reconnoissance ont aussi gravé la plus grande confiance en Vous. Le Général de Division a fait l'inspection et a paru être content. Aussi puis-je dire en consience qu'il n'est pas en mes forces de faire plus que je ne fais. Soldats et officiers, tout étoit dans une telle désorganisation et le service tellement relâché à mon arrivée que j'ai eu toutes les peines du monde d'y mettre de l'ordre. Maintenant ils savent tous très bien ce que c'est que de la sévérité. Mais comme la sévérité seule ne suffit pas pour faire bien aller le service, je fais des vœux pour que vous trouviez le régiment dans un état, qui vous permette de prouver à mes officiers, qu'après la pluie vient le beau tems. Remonter le moral à leur rendre quelque confiance en eux mêmes est un des moyens qui seroit le plus efficace pour améliorer le régiment entièrement.'

C'est cette sévérité dont je viens de parler qui est la cause de ce que le régiment de Wiatka est au nombre de ceux qui a le plus de déserteurs. Habitué à ne rien faire il leur a paru désagréable des occuper comme je le demandois. J'ai fait toutes les perquisitions imaginables pour savoir si les soldats n'étoient pas vécés et je me suis persuadé que réellement ils n'avoient à se

plaindre de rien car ils m'ont dit eux-mêmes que jamais on n'avait tant pris soin d'eux. Leur manger est excellent car je leur donne triple portion de gruau à mes propres frais. Maintenant va venir encore la viande. La seule cause est donc le changement de système et la différence entre Boulgarsky et moi. Lorsqu'ils se seront habitués à servir comme il faut alors en cessera aussi. Ce qu'il y a de remarquable c'est que les déserteurs sont tous des *бродяги* et qu'il n'y a presque qu'eux qui désertent et si un autre soldat s'enfuit aussi c'est toujours en compagnie avec un sujet pareil et par ses instigations. On devrait bien nous en dispenser et les renvoyer toujours à leur domicile et non à l'armée. Le gouvernement et la troupe y gagneroit. Combien de déserteurs se disent *бродяги* sans l'être et rentrent au service sans subir aucune punition. J'en ai un maintenant, qui de cette manière a été deux fois rendu comme recrue. Le moyen de faire qu'il ne s'enfuit pas de nouveau. Les autorités locales sont aussi excessivement négligeantes sur ce point. Et lorsque les soldats voyent que les déserteurs ne sont point ramenés, alors ils conçoivent l'espérance de pouvoir aussi s'échapper sans être rattrapés. Ça m'a engagé à faire passer par les verges d'une telle manière que l'on m'auroit près pour un tiran atroce, mais ça a eu son effet. Depuis je n'ai plus de déserteurs mais cette influence ne peut pas être de long durée.

Gnoevoy me prie toujours d'intercéder pour que son frère soit envoyé au plustôt au régiment. Il n'est pas encore venu jusqu'à présent. Mais moi je vous avoue franchement que je regarderoi cela comme une grace si j'étois débarrassée de tous le deux surtout du Maïor qui est réellement un vilain sujet. S' il étoit passé au régiment de Kamchatka où il a servi autrefois, il seroit très content et moi encore plus. A sa place j'auroi des jeunes maiors d'excellents chefs de bataillons. Gnoevoy est un si grand et je dirai même si habile parleur que j'étois enchanté de lui au commencement, mais ici au camp je vois qu'il ne sait rien et qu'il est un très mauvais chef de bataillon. Avec cela un plat intrigant. Je viens très bien à bout avec lui et quelquefois je le traite d'une jolie manière, mais je ne puis rien lui confier avec assurance et dans un régiment comme le mien il faut avoir des aides surs. Pour que son bataillon ne reste pas trop en arrière je lui ai donné le major Grinewsky qui sert très bien. Sous prétexte d'apprendre à commander un bataillon c'est lui qui l'exerce presque

toujours, mais n'étant pas le véritable chef ça ne va pourtant pas tout à fait comme je le voudrais. Tous ceux qui connoissent Gnoevoy s'étonnent de le voir si humble avec moi mais malgré que je sauroi toujours le maitriser comme bou me semblera, il m'est inutile et même de trop dans le régiment. D'ailleurs quel agrément de servir avec un tel personnage. J'ose espérer mon Général, que si la chose est fesable vous voudrez bien avoir la bonté de penser un petit à moi à ce sujet et la faire passer avec son frère dans leur ancien régiment. J'attends la nomination de Boulgakoff pour commandant du second bataillon avec impatience par la raison surtout que M-r Dobrovolsky¹ a prétendu qu'il parviendrait déjà à faire nommer Prigorowsky² chef de bataillon chez moi. Je ne me mêle jamais des affaires d'autrui, j'aurois donc mauvaise grace au régiment si la nomination de chef de bataillon avoit pour source un autre colonel que moi. Je vous répète mon Général que le parfait abandon avec le quel je vous parle de toutes mes affaires est la conséquence immédiaté des bontés dont vous m'avez honorées jusqu'à présent aussi que du dévouement bien sincère que je vous porte. Croyez aux paroles d'un homme qui de sa vie n'a fait de fausses protestations à âme qui vive. Agréez mes hommages respectueux et l'assurance de la parfaite considération avec la quelle j'ai l'honneur d'être, mon Général,

de Votre Excellence

le très humble serviteur

Pestel.³

¹ Полковник Добровольский командовал в то время Уфимским полком.

² Майор Пригоровский 9 апреля 1822 года был переведен в Вятский полк.

³ На это письмо Киселев ответил 5-го июня. Он согласился на перевод Майбороды, отклонил ходатайство о переводе Старосельского в кавалерию, выяснил вопрос о зимних квартирах для полка, дал некоторую отповедь на жалобы Пестеля, имевшие личный характер. Относительно Гноевого и его брата Киселев написал, что перевод их из полка может быть сделан не ранее марта, и порекомендовал обуздать его, обещав обо всем лично поговорить с Пестелем. Кончается ответ Киселева сообщениями частного характера, причем тон меняется на доброжелательно шуточный. Последние слова его письма: «До свиданья, Маккиавели».

Перевод:

[1822 г.].

Генерал,

Когда вы получаете письмо от какого-нибудь полкового командира, вы прежде всего ждете, — я в этом уверен, — сетований или просьб. И вы очень редко обманываетесь в своем ожидании. Мое письмо не явится исключением из общего правила и будет содержать лишь эти два пункта. Однако, чтобы не возбудить уже на первых порах вашего нетерпения, спешу вам сообщить, Генерал, что дела, о которых я вас собираюсь просить, на этот раз совершенно незначительны.

Прежде всего я прилагаю к этому письму маленькую записочку. В ней я вас прошу о переводе в мой полк брата Майбороды, который служит унтер-офицером в Полтавском пехотном полку, и о переводе подпоручика Старосельского в Киевский драгунский полк. Это — превосходный человек. Он имеет средства и, вполне естественно, желает служить в кавалерии; тем более, что там служат его близкие родственники. Во-вторых, так как мой полк должен занять зимние квартиры в Линцах, я собрал сведения об этих квартирах и достал от исправника план размещения. Ознакомившись с ним, я вижу, что роты должны быть размещены иначе, чем это было в 35-м стрелковом полку для того, чтобы батальонные командиры были в возможной близости от своих рот и на одинаковом расстоянии от каждой из них. Поэтому не сообразовали ли, Ваше Превосходительство, приказать, чтобы первый батальон имел местопребывание в Монастырище, а 3-й в Дашеве? Второй батальон останется в Липовце. Я испрашиваю разрешения на такое изменение на тот случай, если мой полк займет точно такие места, как и 35-й. Однако настоящие квартиры Барышникова чрезвычайно тесны, и кажется, по новому размещению войска будут расположены более просторно.

Тогда сделайте милость, предоставьте мне все те места, которые занимал 35-й полк в апреле прошлого года. В таком случае 3-й батальон останется в Тетиеве, а 1-й отправится в Дашево. Это было бы превосходно во всех отношениях.

Если же такого размещения никак нельзя было бы устроить, тогда будьте добры, примите во внимание мою первую просьбу. Чувства благодарности, которые Главнокомандующий выражает не только тем, кто неожиданно для себя сдает полк, но и тем,

кто принимает командование полком при таких же обстоятельствах, являются косвенными упреками. Эти упреки довольно явно касаются меня. Я это хорошо чувствую, хотя в действительности я совершенно ни в чем не виноват. Вы сами знаете, Ваше Превосходительство, какой полк я получил в командование и сколько снисходительности я проявил, чтобы как можно скорее уладить все дела с моими предшественниками. Те, кому досталось командование Пермским и Селенгинским полками, получили полки, внутреннее состояние которых превосходно. И они, пользуясь преимуществом командовать хорошими полками, к тому же получают выражения признательности!—Булгарский в течение двух лет не покончил дела со сдачей полка и не платит ни копейки. Он постоянно дает мне честное слово прислать в следующем месяце должны им мне деньги. Когда же наступает назначенный срок, то вместо денег он вновь посылает мне обещание уплаты. Вот какие шутки шутит он со мною с января месяца. И если такие шутки продолжатся еще некоторое время, то я не знаю, что и делать, так как я в настоящую минуту доведен до последней крайности и не имею более никаких средств. Ожидание прибытия Императора также сильно обмануло меня, так как оно принудило меня к огромным затратам. Но в конце концов такова моя участь. Я должен всегда сражаться с людьми или обстоятельствами. Надо сознаться, это довольно тяжелое ремесло. Простите, Генерал, что я так откровенно высказываюсь перед вами и отнесите это на счет вашей постоянной ко мне доброты, которую вы всегда проявляете. Она вместе с чувством большой признательности углубляет и мою к вам уверенность. Дивизионный генерал делал инспекторский смотр полку и, повидавшему, остался доволен. И по совести я могу сказать, что я не в силах сделать более, чем делаю. Солдаты и офицеры, все было в таком расстройстве и служба так заброшена к моменту моего прибытия в полк, что я должен был употребить наивозможнейшие усилия, чтобы водворить в нем порядок. Теперь все они очень хорошо знают, что такое суровость. Но так как одной суровости мало, чтобы наладить, как следует, дело службы, то я даю клятву, что вы найдете полк в таком состоянии, которое позволит вам дать моим офицерам доказательство, как после дождя наступает хорошая погода. Поднять в них чувство долга, добиться от них самих некоторого доверия к себе, это — один

из наиболее действительных способов, чтобы совершенно улучшить полк.

Та суровость, о которой я веду речь, является одной из причин того, что Вятский полк принадлежит к числу тех, в которых число дезертиров очень велико. Так как они привыкли к ничегонеделанию, то им показалось неприятным работать так, как я этого потребовал. Я сделал все возможные расследования, чтобы узнать, не притеснены ли солдаты, и я убедился, что у них нет никакой действительной причины жаловаться, так как по их собственным словам, они никогда не видели столько заботы о себе. Их пища превосходна, так как я из собственных моих средств даю им тройную порцию каши. В настоящее время, в добавление к этому, будет отпускаться и говядина. Таким образом, единственной причиной является перемена системы и различие между Булгарским и мной. Когда они привыкнут служить, как следует, тогда прекратится и это явление. Примечательно, что почти все дезертиры *бродяги*, и кроме них почти никто не дезертирует. Если же какой-либо другой солдат также сбежит, то почти всегда в сообществе с подобным человеком и по его наущению. Следовало бы нам от них освобождаться и навсегда отсылать их в их местопребывание, а никоим образом не в армию. Правительство и войско от этого лишь выиграли бы.—А сколько дезертиров называют себя бродягами, не будучи таковыми, и возвращаются на военную службу, не понеся никакого наказания! У меня в настоящую минуту есть такой, который подобным образом возвращался дважды, как рекрут: средство, чтоб он сбежал снова! Местные власти тоже чрезвычайно нерадивы на этот счет. И когда беглых солдат не возвращают обратно, тогда прочие приобретают надежду также сбежать и не быть возвращенными. Это обстоятельство побудило меня прибегнуть к розгам таким способом, который заставил видеть во мне чуть ли не тирана, но это произвело нужное впечатление. После этого у меня нет дезертиров; но влияние подобной меры не может быть длительным.

Гвоевой постоянно просит меня предстательствовать, чтобы его брат был поскорее отправлен в полк. Он еще не прибыл до сих пор. Но я признаюсь вам откровенно, что я счел бы для себя милостью, если б был избавлен от их обоих, особенно от майора, который, действительно, плохой человек. Если б он был переведен в Камчатский полк, где когда-то слу-

жил, он был бы очень доволен, а я—еще более. Вместо него у меня были бы превосходные командиры батальонов из молодых майоров. Гноевой это—такой большой и, можно сказать даже, такой ловкий говорун, что сперва я был от него в восхищении. Но здесь в лагере я вижу, что он ничего не знает и что он очень плохой батальонный командир. При том же он—плоский интриган. Я теряю терпение с ним и несколько раз я обошелся с ним превосходным образом. Но я не могу с уверенностью доверить ему что-либо, а в таком полку, как мой, надо иметь надежных помощников. Чтобы его батальон не отставал черезчур я придал ему майора Гриневского, который очень хорошо относится к службе. Под предлогом приучиться к командованию батальоном он почти всегда обучает его. Но так как он не настоящий командир, то все же дело идет не совсем так, как я бы желал. Все, кто знает Гноевого, удивляются, видя, что он так унижается передо мной. Однако, хотя я всегда могу распорядиться им, как мне заблагорассудится, он все же бесполезен, и, даже слишком, в моем полку. К тому же что за удовольствие служить с подобной особой! Лышу себя надеждой, Генерал, что вы, если это только возможно, будете добры подумать немножко обо мне по этому вопросу и перевести его вместе с братом в их прежний полк. Я ожидаю назначения Булгакова командиром второго батальона с нетерпением особенно по следующей причине. Господин Добровольский считал себя в праве называть Пригоровского в качестве моего батальонного командира. Я никогда не вмешиваюсь в чужие дела. Я был бы поставлен в неловкое положение в полку, если бы назначение батальонного командира имело источником не меня, а другого полковника. Я вам повторяю, Генерал, что совершенная непринужденность, с которой я с вами беседую о всех своих делах, является непосредственным следствием того доброго ко мне отношения, каким вы меня до сих пор удостаивали, и моей чистосердечной приверженности к вам. Поверьте словам человека, который во всю свою жизнь не делал ложных заверений ни одной живой душе.

Примите мои почтительные заявления преданности и уверение в совершенном уважении, с каким имею честь быть Вашего Превосходительства

покорнейшим слугой
Пестель.

7.

Mon Général,

Je profite de la permission, que vous m'avez donnée de vous écrire de tems en tems pour me rappeler à votre souvenir. Vous voila maintenant à Berlin et libre pour quelques tems de tout ce fatras de papiers qui venoient à Toulzyn vous assiéger tous les matins. Mais si ces occupations étoient pénibles, souvent sans intérêt et quelquefois même désagréables, cependant vous ne pouvez reporter vos yeux sur le tems où vous avez dirigé l'administration de la seconde armée sans ressentir un sentiment de plaisir véritable et même d'orgueil bien légitime; car vous avez tant fait de bien au service en général et à maint et maint individu en particulier que ce ne sera jamais qu'avec reconnoissance et vénération que la seconde armée pourra se rappeler de vous. Ce sont de beaux titres que peu de chefs savent acquérir et dont la possession doit vous donner beaucoup de satisfaction. Aussi suis-je persuadé que vous aimez la seconde armée de bien bon coeur par la persuasion que vous devez avoir de l'attachement qu'elle vous porte et de l'admiration que vous lui avez inspirée par vos vertus et vos rares qualités. Revenez donc mon Général au plus vite au milieu de nous et échangez de nouveau les agrémens d'une vie libre que vous pouvez remplir de jouissances passagères contre les ennuis d'un travail laborieux il est vrai, mais dont les fruits sont durables en vous achetant les coeurs et les pensées de braves militaires dont vous avez souvent soulagé et amélioré le sort et qui dans votre grande sévérité même se plaisoient à voir des preuves de votre grande justice et de votre amour du bien général. J'aime à vous dire tout cela mon Général parceque c'est l'expression simple et vraie de mes sentimens à votre égard. Le colonel Dobrovolsky a dit que vous étiez intentionné de prolonger de beaucoup votre séjour dans l'étranger et peut être même de ne plus revenir. Je ne veux pas croire à cette mauvaise nouvelle car elle m'affligeroit trop. Cependant si vous aviez la bonté de me dire un mot la dessus vous me feriez grand plaisir en me tranquillisant sur ce point.

Comme j'espère que vous voudrez bien me donner de vos nouvelles mon Général, permettez moi de vous faire à leur égard

quelques questions. Comment madame de Kissileff a-t-elle supporté le voyage et que fait sa santé? Le chagrin de trouver sa mère un état inquiétant l'aura certainement beaucoup affecté. On ne supporte pas facilement la vue d'une mère souffrante et presque au tombeau. Et le petit héritier présomptif voyage-t-il en brave? On avoit ditsi souvent que la comtesse Potozky n'existoit plus que je craignois déjà qu'à votre arrivée, vous ne la trouvassiez plus. Cependant il paroît maintenant le contraire.

Nous n'avons absolument rien de nouveau dans nos parages. Le Prince Sibirsky¹ a remis à l'hôpital tout l'argent qu'il lui devoit et Zavoroff est plus que jamais son enfant chéri. Je n'ai personnellement pas à me plaindre d'eux en aucune façon tout au contraire; mais je crois que le Prince seroit lui même content s'il pouvoit se séparer de Zavoroff sans esclandre car ce dernier à ce qu'il paroît l'a tellement embrouillé qu'il le tient dans ses pattes. Mengden a présenté sa supplique pour obtenir sa démission et Bergmann² desire infiniment d'avoir notre brigade. Je n'en serois pas fâché non plus car comme la place de brigadier est assez nulle, il vaut encore mieux l'avoir lui qu'un inconnu. Bien plus agréable et bien plus utile seroit encore si vous fesiez en sorte mon Général que l'on nous donnât Rachette. Il a commandé autrefois le 1-er Régiment de marine qui a toujours passé pour le meilleur de la première armée. Le Général Rachette commande maintenant une brigade de chasseurs dans le troisième corps. C'est un bon militaire dont vous seriez bien certainement très content et qui j'en suis sûr seroit lui-même aux anges de passer à notre armée. Il est dans le genre de Kalm. On dit que Sabonéyeff³ sera nommé à la place du défunt Konownitzine.⁴

Dans cette supposition il seroit intéressant de savoir qui on nous donneroit après lui. Si c'étoit le Général Kotliarewsky⁵ bon militaire et homme de mérite l'armée n'y auroit rien perdu. J'ai entendu dire par des personnes à même de le savoir qu'il

¹ Князь Сибирский, Александр Вас., ум. в 1836 г., в чине ген.-лейт.

² Бергман, Александр Петрович, р. в 1784 г., ум. в 1849 г., в чине ген.-лейт.

³ Сабанеев, Иван Вас., командир 6-го корпуса.

⁴ Коновницын, Петр Петр., ген., умер 28 августа 1822 г., в должности главного директора военных корпусов и Царскосельского лицея.

⁵ Котляревский, Петр Степ., ген., покоритель Ленкорани, ум. в 1854 г.

desiroit d'être remis en activité et qu'il n'avoit renoncé à servir en Géorgie que par appréhension de ne pouvoir s'y arranger avec le caractère faux et hautain du sattrape Yermoloff. Vous voyez mon Général que je ne perds pas l'habitude de penser tout haut devant Vous. Je voudrois bien m'arrêter là pour ne pas rendre ma lettre trop longue et pas trop ennuyeuse mais il n'est impossible de la finir sans vous parler encore de mes officiers.

Ce régiment de Viatka a de tout tems et notamment dans les dernières 15 années été remarquable par l'ensemble que mettoient tous les officiers dans leur opposition aux commandants du régiment. Wassiltchicoff en a souffert beaucoup ainsi que tous ces successeurs et le pauvre Boulgarsky étoit ballotté par eux d'une manière inconcevable. Lorsque j'auroi l'honneur de vous revoir je vous donnerai les détails de tout cela. Maintenant cet ensemble est rompu par l'élimination de cette année et le grand nombre de ceux qui prennent leur congé. Cependant il en reste encore plus qu'il n'en faut pour gater les nouvelles remotes. A leur tête se trouve à présent le major Gnoevoy. Je desirerois donc une nouvelle élimination et un avancement considérable pour les bons officiers. C'est en partant de ce point de vue que je vous présente mon Général les points suivans: 1) Il y a encore quelques officiers surtout chefs de compagnie qui sont imbus de l'ancien esprit du régiment de Viatka consistant à faire opposition constante aux commandans des régimens et à s'appropriier la propriété du soldat partout où ils en trouvent la moindre occasion. C'est cette opposition qui a empêché le régiment de s'améliorer sous Boulgarsky et ne s'est affaiblie sous mon commandement que par la crainte que leur inspirent mes liaisons au quartier général, ce qu'ils disent eux mêmes dans leurs conciliabules. D'après cela je desirerois d'éloigner ces officiers en les faisant passer dans d'autres régimens sans les avancer. Les plus mauvais prennent leur congé et quant à ceux-ci je crois qu'il suffiroit de les éloigner. Ça les corrigeroit en rompant cette union anti-service. 2) Il y a une dizaine d'officiers qui ont présenté leurs démissions; ce qui ouvre beaucoup de vacances. En les remplaçant toutes par un avancement dans le régiment même avec une petite élimination, j'aurois le grandissime avantage de donner de l'avancement à tous mes bons capitaines en second et presque à tous mes bons lieutenants. Cela les attacherait davan-

tage au service et ne paroitroit nullement sortir des règles ordinaires. D'ailleurs Maiboroda étoit le second lieutenant-capitaine dans le 35 et chez moi il n'est que l'avant dernier. La plupart des avancemens dont je parle ici se feront d'eux mêmes, ma prière consiste donc à les faire dans le nombre et la manière susmentionnée. 3) Je vous demanderois la grace de faire passer chez moi le lieutenant Gorloff d'Oufim qui le demande avec instance de boucher et par écrit. Le lieutenant *Moursenau* du 39 qui vous a écrit lui-même à ce sujet. Le souslieutenant *Skibizky* du 32 pour lequel intercède Prilouzky et le souslieutenant *Kacheperoff* de Kasan qui n'ayant pas encore de commandant ne peut être regretté par personne. Cependant si Abramoff¹ est nommé au régiment de Kasan alors je me desiste de ma prière. 4) Le capitaine en second *Skarginsky* de Jakoutsk demande à quitter son régiment actuel. Si vous voudriez le faire passer chez moi j'en serois très content. Il reste encore le lieutenant Capitaine *Bronnau* du 31 qui est parent de M-me de Mengden. Elle m'a prié de le demander dans mon régiment mais je prends encore des informations et si vous le permettez j'en communiquerai avec Bourzoff² en tems opportun. 5) De grace mon Général ayez la bonté de me débarrasser de *Gnoevoy*. C'est un plat intriguant qui n'est bon à rien dans le service. Si je vous racontois toutes les cochonneries qu'il ne cesse de faire constamment je suis persuadé que vous vous facheriez fortement contre lui. Il est même dangereux pour le service actuel car il le critique continuellement. Il est vrai que le service actuel est un peu tracassier et bien pénible. Cela fait que les officiers ont d'eux mêmes de l'éloignement pour lui. Il faut donc tâcher de compenser cette opposition en leur donnant du goût pour la chose et leur servant d'exemple. Lui au contraire ne fait que pérorer contre ce service et s'il étoit plus cultivé et plus instruit je le prendrois pour un carbonary. Ayez donc la bonté de m'en débarrasser et plus vous le ferez tôt et plus je vous auroi de la reconnaissance. 6) La 19-ème division manque d'un si grand nombre d'officiers majors qu'il est probable que vous y voudrez faire passer quelques majors de la notre. Si le tour vient aussi à mon régiment, veuillez bien alors me laisser mes

¹ Аврамов, Пав. Вас., командир Казанского полка, декабрист.

² Бурцов, Ив. Григ., полковник, замещавший тогда Киселева, причастен к движению декабристов.

младше pour les faire chefs de bataillon chez moi et mes chefs de bataillon prenez les s'il faut, mais Gnoevoy de grace en tout cas. 7) Je suis très content de Kasparoff qui se donne beaucoup de peine. C'est un bon officier qui sert depuis 24 ans et qu'en toute consience je puis recommander à vos bontés. Il voudroit bien prendre son congé mais il n'a pas de quoi exister. Il m'écrit dans une lettre que malgré tout le desir qu'il avoit de servir dans le militaire, il voit cependant que le service ne veut pas de lui et me prie d'après cela de vous supplier de lui faire avoir quelque part une bonne petite place soit de commandant soit autre. Tout son desir consiste à quitter le front sans quitter l'uniforme. Si vous vouliez bien mon Général lui accorder sa demande il seroit parfaitement heureux et content et ne seroit plus dans la troupe. Et 8) Si Kasparoff obtenoit une place selon sa prière et que Gnoevoy fut transmis en Géorgie ou dans un autre régiment il y auroit des places de major vacantes dans mon régiment. Permettez qu'alors je choisisse parmi ceux qui seroient avancés du rang de capitaine. Cela ne s'offriroit aucun inconvénient car comme tous les capitaines doivent être passer dans d'autres régimens lors qu'on les fait majors il est indifférent quel est le régiment où on les transmet. Je prends la liberté de joindre ici une petite note afin que si vous daignez l'approuver vous en puissiez ordonner l'exécution à M-r Bourzoff. Ne vous laissez pas rebuter mon Général par l'étendue de mes demandes aux sujet des officiers et daignez leur accorder votre bienveillance. C'est une chose bien importante que le corps d'officiers et avec votre protection j'espère prouver que c'est là le véritable moyen de rendre un régiment bon. Je suis peut-être le seul colonel qui vous importune tant sous ce rapport. Mes succès la dedans pourront peut-être faire du bien aussi aux autres en éveillant leur attention sur un point aussi essentiel qu'ils avoient la plupart entièrement négligé. Que ce point de vue obtienne un moment votre attention et j'ose espérer que vous accorderez alors à ma demande votre bienveillant consentement. Une grande élimination l'année passée, une moindre cette année-ci jointe à un avancement considérable sont deux choses qui feront effet et produiront un grand bien. Enfin c'est à votre bonté pour moi que je remets et confie toutes ces demandes et prières. Je ne saurois rien vous dire du quartier général car je n'y ai pas été.

Agréez mes respects mon Général et l'assurance de mon parfait dévouement, ainsi que de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être

de Votre Excellence
le très humble serviteur

Pestel.

Linzy ce 15 Novembre
1822.

Перевод:

Генерал,

Пользуюсь разрешением, вами данным, и пишу вам время от времени, чтобы напоминать вам о себе. Теперь вы в Берлине и свободны до поры до времени от той кучи бумаг, которая каждое утро осаждала вас в Тульчине. Но, если эти занятия были тяжелы, часто неинтересны, а иногда даже неприятны, все же вы не можете перенестись ко времени управления Вами второй армией, не пережив снова чувства настоящего удовольствия и даже законной гордости, так как вы сделали столько добра на службе вообще и многим, многим людям в частности, что никогда вторая армия не будет вспоминать вас иначе, как с благодарностью и благоговением. Это — прекрасные названия, и немногие начальники умели их завоевать. Поэтому обладание ими должно дать вам большое удовлетворение. Кроме того, я убежден, что вы чистосердечно любите вторую армию из-за уверенности в ее привязанности к вам и удивлении, внушенном вами ей благодаря вашим добродетелям и редким качествам. Возвращайтесь, Генерал, как можно скорее, в нашу среду и вновь променяйте радости свободной жизни, которую вы можете наполнить преходящими радостями, на скуку, — это правда, — напряженного труда, плоды которого долговечны, подкупая сердца и помыслы храбрых воинов. Участь их вы часто облегчали и улучшали, поэтому они даже в вашей большой суровости с удовлетворением видели доказательства вашей великой справедливости и вашей любви к общему благу. Я охотно пишу вам все это, Генерал, так как мои слова — простое правдивое выражение моих чувств по отношению к вам. Полковник Добровольский говорил, что вы намеревались продлить ваше пребывание за границей, а, быть может:

и совсем не вернуться. Я не хочу верить такому плохому известию, так как оно очень огорчило меня.

Однако, если бы вы были добры черкнуть хоть бы одно слово по этому поводу, вы доставили бы мне большое удовольствие, успокоив меня.

Так как я надеюсь, Генерал, что вы сообщите мне новости о себе, то разрешите задать вам несколько вопросов, вас касающихся. Как перенесла Madame Киселева путешествие и в добром ли она здравьи? Печаль ее, так как она нашла свою мать в положении, внушающем беспокойство, конечно, сильно расстроила ее.

Не легко переносить зрелище больной матери, прикованной к одру смерти. Хорошо ли справился с путешествием ваш законный наследник? Так часто говорилось о смерти графини Потодкой! Я уже опасался, что по вашем прибытии вы не застанете ее в живых. Однако случилось, как оказывается, другое.

У нас, в наших краях, нет решительно ничего нового. Князь Сибирский возвратил в госпиталь все деньги, которые был должен, и Заваров более чем когда-либо его любимое дитя. Я лично ни в чем не могу пожаловаться на них, наоборот. Однако я думаю, что князь сам был бы доволен, если б мог отделаться от Заварова без огласки. Этот последний совсем запутал его и забрал в свои руки. Менгден подал прошение об отставке, и Бергман сильно стремится получить нашу бригаду. Я ничего не имею против этого, так как значение должности бригадного командира ничтожно. При этом лучше, если будет бригадным он, а не кто-нибудь неизвестный. Однако, было бы и приятнее, и полезнее, если бы вы, Генерал, устроили так, чтоб нам дали Рашетта. Он прежде командовал первым флотским полком, который пользовался репутацией лучшего полка в первой армии. Генерал Рашетт командует теперь стрелковой бригадой в третьем корпусе. Он отличный военный, и вы, несомненно, были бы им довольны. Он же, по моему убеждению, был бы на седьмом небе, перейдя в нашу армию. Он — вроде Кальма. Говорят, что Сабанеев будет назначен на место покойного Коновиндына. Если это так, интересно бы знать, кого нам дадут вместо него. Если б это был генерал Котляревский, прекрасный военный и человек с большими заслугами, армия ничего не потеряла бы. Я слышал от знающих его лиц, что

**И. Д. Якушкин в Ягудоровске.
Семия.**

он хотел бы возвратиться к деятельности и что он отказался служить в Грузии лишь из-за опасения не поладить с двуличным и надменным сатрапом Ермоловым. Как видите, Генерал, я не потерял привычки думать вслух перед вами. Мне бы следовало на этом покончить мое письмо, чтоб не делать его слишком длинным и докучливым. Однако, я никак не могу кончить его, не поговорив о моих офицерах.

Вятский полк и всегда, и особенно за последние 15 лет, был замечателен тем, что все офицеры его были солидарны в своей оппозиции командирам полка. Васильчиков, как и все его преемники, много страдал из-за этого, а беднягой Булгарским они играли неприличным образом. Когда я буду иметь честь повидаться с вами, я сообщу вам все подробности этого. Теперь упомянутый союз уничтожен ввиду массового увольнения в отставку, произведенного в этом году, и большого числа подавших просьбы об увольнении.

Впрочем, и оставшихся больше, чем следовало бы; и они могут испортить вновь поступивших. Во главе их, по моему, надо считать майора Гноевого. Я желал бы нового массового увольнения, а также значительного движения вперед для хороших офицеров. Исходя из подобной точки зрения, Генерал, я представляю вам следующие пункты:

1) Есть еще несколько офицеров, преимущественно ротных командиров, пропитанных старым духом Вятского полка. Этот дух состоит в том, чтоб быть в оппозиции полковому командиру и при малейшей возможности присваивать себе солдатское достояние, где бы оно им ни попало. Указанная оппозиция помешала полку придти в лучшее состояние при Булгарском. Она ослабела лишь во время моего командования и то только под влиянием страха перед моими связями в главной квартире, о чем они сами говорят на своих сходбищах. Поэтому я хотел бы удалить этих офицеров путем перевода их в другие полки без повышения по службе. Наиболее плохие подали просьбы об увольнении, и относительно их я полагаю, что было бы достаточно их удалить. Такая мера их исправит и уничтожит эту противную пользе службы связь. 2) Наберется с десятков офицеров, которые подали прошения об отставке. Это открывает множество вакансий. Замещая их все, за малым исключением, путем повышения в самом полку, я получил бы величайшую выгоду повысить всех моих хороших штабс-капитанов и почти всех

моих хороших поручиков. Такое обстоятельство еще более привязало бы их к службе и никоим образом не противоречило бы обычным правилам. Один лишь Майборода был вторым штабс-капитаном в 35 стрелковом полку, у меня же он лишь предпоследний. Большинство повышений, о которых я здесь упоминаю, произошло бы и само собой. Моя просьба заключается лишь в том, чтобы производство состоялось сразу в вышеупомянутом количестве и по указанному способу. 3) Прошу вас о переводе ко мне поручика Уфимского полка Горлова, который настоятельнейшим образом просит об этом письменно. Прошу также за поручика Мурсенау, 39 полка; он сам писал вам об этом. Также прошу о переводе подпоручика 32 полка Скибицкого, за которого хлопочет Прилудский, и подпоручика Казанского полка Кашперова. Полк этот не имеет еще командира и никого поэтому не привлекает. Впрочем, если Абрамов уже назначен в Казанский полк, тогда я отказываюсь от моей просьбы. 4) Штабс-капитан Скаржинский, Якутского полка, просит об увольнении из него. Если вы переведете его ко мне, я буду очень доволен. Остается еще штабс-капитан 31 полка Броннау. Он родственник Madame Менгден, которая просила меня похлопотать об его переводе в мой полк. Однако, я навожу еще справки и с вашего разрешения снесусь по этому вопросу в подходящий момент с Бурцевым. 5) Сделайте милость, Генерал, избавьте меня от Гноевого. Это — плоский интриган, совершенно непригодный к службе. Если б я порассказал вам обо всех гнусностях, которые он постоянно проделывает, вы бы, по моему крайнему разумению, сильно рассердились бы на него. Он даже опасен для действительной службы, так как он ее всегда критикует. Конечно, верно, что действительная служба немного хлопотлива и очень утомительна. Это заставляет офицеров самих по себе держаться подальше от нее. Поэтому надо стараться уничтожить это нерасположение к службе, приохочивая к ней и служа для других примером. Он же, напротив, только и делает, что разглагольствует против этой службы. Если б он был более образованным и просвещенным, я считал бы его за карбонария. Будьте же добры, освободите меня от него. И чем скорее вы это сделаете, тем более я буду вам признателен. 6) 19-ая дивизия испытывает большой недостаток в майорах; поэтому возможно, что вы пожелаете перевести туда несколько наших офицеров. Если очередь дойдет также до

нашего полка, оставьте мне тогда, пожалуйста, моих «младших», чтобы сделать их батальонными командирами в моем полку, а моих батальонных командиров возьмите от меня, если это понадобится; но Гноевого, сделайте милость, уберите во всяком случае. 7) Я очень доволен Каспаровым, который очень трудолюбив. Это — прекраснейший офицер; он служит уже 24 года, и я по совести могу рекомендовать его вашей доброте. Он хотел бы выйти в отставку, но не имеет средств к существованию. Он мне сообщил в одном из своих писем, что несмотря на большое желание служить в военной службе, он видит, что служба ему не подходит; после же этого он просил меня похлопотать перед вами, чтобы вы оказали ему содействие в получении какого-либо местечка: места коменданта, или какого-либо другого. Все его желание состоит в том, чтобы оставить фронт, и сохранить военную форму. Если вы, Генерал, исполните его просьбу, он будет совершенно доволен и счастлив и не останется более в войсках. II 8) если Каспаров получит место согласно своей просьбе, а Гноевой будет переведен в Грузию или в другой полк, то в моем полку освободятся майорские вакансии. Разрешите тогда мне выбрать из тех, которые имеют право на производство из капитанов. Это не причинит никакого неудобства, так как все капитаны должны переходить в другие полки при своем производстве в майоры, и безразлично, в какой полк их переместят. Принимаю смелость присовокупить здесь маленькую записочку. Если вы сообразовались ее одобрить, вы можете поручить выполнение ее господину Бурцеву. Не отказывайте, Генерал, во внимании к моим просьбам и сообразовались благожелательно выполнить их. Офицерский состав — чрезвычайно важное дело, и благодаря вашему покровительству я надеюсь доказать, что это — настоящее средство сделать полк хорошим; я, быть может, единственный полковник, который докучает вам относительно этого пункта. Мои успехи в этом отношении смогут принести благо, быть может также и другим, возбуждая их внимание к нему. Это обстоятельство было бы существенным, так как большинство этим пунктом до сих пор совершенно пренебрегало. Пусть эта точка зрения остановит на себе ваше внимание. Лишу себя надеждой, что вы тогда согласитесь удовлетворить благосклонно мою просьбу. Массовое исключение из службы, произведенное в прошлом году, несколько меньше в этом, да еще к тому же значительное движение

многих по службе произведут эффект и принесут большое благо. Поручаю и доверяю все мои просьбы и мольбы вашей ко мне доброте. Не могу ничего сообщить вам о главной квартире, так как я там не был.

Примите, Генерал, мое почтение и уверение в совершенной преданности, а равно и высоком уважении, с которым имею честь быть Вашего Превосходительства, покорнейшим слугой.

Пестель.

Линц 15 ноября
1822.

8.

Mon Général,

Vous aviez permis au mois d'aout de l'année passée que le sous-lieutenant Schoumliansky (Шумлянскій)¹ de mon régiment restât au bataillon d'exercisse à Kléban pendant quelques tems pour s'y perfectionner dans les connoissances du front. C'étoit de tout tems un officier très zélé et je suis sur que maintenant il sait tout très bien. Comme j'ai un grand manque d'officiers surtout d'officiers utiles je vous adresserois la priere de vouloir bien permettre qu'il revint à présent au régiment où l'on en pourroit tirer bon parti. Il n'est point nécessaire au bataillon d'exercisse parceque le régiment de Kazan y a un officier pour la brigade. Si vous voulez bien m'accorder cette demande veuillez alors mon Général donner vos ordres à ce sujet.

C'est avec la considération le plus distinguée que j'ai l'honneur d'être

de votre Excellence
le très humble serviteur

Pestel.

Lintzy
le 2 avril 1823.

¹ Подпоручик Шумлянскій 8 апреля 1823 г. был произведен в поручики.

Перевод:

Генерал,

Вы разрешили в августе месяце прошлого года подпоручику моего полка Шумлянскому остаться на некоторое время в учебном батальоне в Клебани для усовершенствования в познаниях фронтовой службы. Он всегда был очень ревностным офицером, и я уверен, что в настоящее время он превосходно усвоил все. Так как я испытываю большой недостаток в офицерах, особенно в офицерах, полезных для службы, то обращаюсь к вам с просьбой разрешить ему вернуться в настоящее время в полк, где он мог бы принести большую пользу. Он совершенно не нужен в учебном батальоне, так как для нужд бригады там имеется офицер Казанского полка. Если вы согласны исполнить мою просьбу, прикажите отдать распоряжение на этот счет.

С совершенным уважением имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой

Пестель.

Линтцы

2 апреля 1823 г.

9.

Mon Général,

Je vous demande un million d'excuses pour la liberté que je prends de vous importuner. J'espère que vous aurez la bonté de me le pardonner. M-r Abramoff a dit que j'ai choisi à l'insu du général de division quelques hommes parmi les chasseurs qui étoient destinés pour son régiment. Ce seroit une accusation très grave si elle étoit vraie, mais comme elle est entièrement fausse et qu'elle peut pourtant parvenir jusqu'à vous, il est de mon devoir de vous la qualifier comme telle afin de n'être pas com-promis à vos yeux d'une manière aussi outrageante. Le général de division ayant placé les chasseurs en trois lignes comme bon lui a semblé sans que j'y aie participé d'aucune manière, n'étant que présent et entièrement *muet* m'a permis de choisir parmi les *trois* lignes une dizaine d'hommes. Après avoir fait ce choix, je lui en ai présenté la liste sans avoir su le moins du monde pour quels régimens les lignes étoient destinées. Voilà le tout. Votre Excellence voyez d'après cette exacte vérité que j'ai agi dans toutes les règles et dans toutes les formes. Si M-r Abramoff

a dit autre chose, cela prouve qu'il a été mal informé. Il est très naturel que je tache d'avoir quelques beaux gens pour mon régiment. Il me seroit impossible de le faire avancer, lui qui a été toujours reconnu pour le plus mauvais régiment de l'armée si l'on ne me donnoit quelques moyens. Vous savez vous même mon Général que le régiment de Kazan est cent fois plus riche en beaux gens que celui de Viatka. On lui a toujours donné les meilleurs recrues et si je n'avois reçu des chasseurs j'aurois été avec mon régiment entièrement aux abois car même à l'occasion de la nouvelle organisation des seconds bataillons je ne gagne rien vu que non seulement je ne me déferai pas d'un seul homme et j'en ai tant de détestables mais encore il me viendra près de 150 soldats de ceux que le 36-me destine à être renvoyés. Votre Excellence a trop souvent prouvé sa justice pour ne pas tomber d'accord avec moi dans cette occasion que ma position est excessivement à plaindre. Le régiment de Kazan n'aura pas je crois 20 hommes à choisir parmi 100 de 35-eme et moi j'aurai près de 150 à choisir parmi un nombre égal du 36-me. Il faudra donc que je les prenne tous. La proportion n'est donc certainement pas égale et si dans une telle circonstance le divisionnaire m'a permis de choisir une dizaine d'hommes, j'ose croire que personne ne peut se trouver lésé ni avoir le droit de tant crier. Permettez moi mon Général de vous observer en outre que je n'ai pas une seule fois fait retentir les échos d'alentour de mes plaintes concernant le régiment. J'aurois pourtant peut-être plus de droits de me plaindre que qui ce soit, car malgré les 18000 roubles dont je puis dire que j'ai fait cadeau à mes prédécesseurs, Boulgarsky depuis 15 mois ne me paye pas un sou et a laissé passer avant ces 15 mois toute une année sans rien payer à Krominn. Au lieu de me lamenter comme d'autres font j'ai préféré: d'abord de prier les chefs de me donner quelques moyens et j'ai eu le bonheur de me les voir quelque fois accordés; et en second lieu j'ai fait et je continue de faire sans aucun bruit, ni fracas, et sans attaquer personne tout ce qu'il est seulement possible de faire pour répondre pleinement à la confiance que nommément votre Excellence m'avez témoigné en provocant ma nomination au commandement du régiment de Viatka. Si après tout cela je ne parviens pas à me concilier les bonnes grâces de mes chefs, j'aurai du moins la parfaite conviction que ce n'aura pas été par manque de zèle de ma part. J'ai sans doute beaucoup de désagréments

excités en grande partie par l'envie de ce que l'on ne reste pas les bras croisés dans mon régiment et beaucoup de travaux qui me sont certainement très pénibles, mais je supporte cela volontiers dans l'espoir que les peines que je me donne seront du moins appréciées par ceux aux quels il ne manque absolument rien pour bien juger les choses. Dans ce nombre votre Excellence occupe la première place car pouvant dire que c'est de vous que je tiens le régiment, c'est par cela même à vous que j'en ai principalement à rendre compte.

Je réitère mes excuses pour l'importunité que je puis vous avoir causée et je n'aurais pas manqué de venir vous exposer cette explication verbalement si des raisons que votre Excellence saura bien apprécier ne me fesoient craindre de prendre ce parti.

Veillez bien lire cette lettre av[ec]...¹ bonté et recevoir l'assurance de la haute considération et du parfait dévouement avec les quelles j'ai l'honneur d'être

de votre Excellence

le très humble serviteur

P. Pestel.

Lintzy ce 16 Mai
1823.

Перевод:

Генерал,

Приношу вам миллион извинений за смелость, с которой я докучаю вам. Я надеюсь, что вы будете так добры и простите меня. Господин Абрамов сказал, будто я выбрал без ведома начальника дивизии нескольких людей из стрелков, которые были предназначены для его полка. Это было бы тяжким обвинением, будь оно правдиво. Однако оно совершенно ложно. Но, так как оно может все же дойти до вас, я считаю своим долгом определить вам его, как таковое, чтобы не быть скомпрометированным перед вами столь оскорбительным образом. Начальник дивизии, поставив по своему усмотрению стрелков в три шеренги, чему я был лишь немым свидетелем, позволил мне выбрать из трех шеренг десяток людей. Произведя означен-

¹ Далее в подлиннике одно слово при распечатывании письма вырвано.

ный выбор, я представил ему список их, в полном неведении, для каких полков были предназначены эти шеренги. Вот и все. Ваше Превосходительство после моего правдивого и точного изложения сами видите, что я действовал согласно всем правилам и форме. Если господин Абрамов говорит иное, это является доказательством его плохой осведомленности. Вполне естественно, что я стараюсь получить несколько хороших людей для своего полка. Было бы невозможно поднять его,—так как он не даром пользовался всегда известностью, как самый плохой полк в армии, если мне не были бы даны для этого средства. Вы сами знаете, Генерал, что Казанский полк в сто раз богаче Вятского хорошими людьми. Ему всегда давали лучших рекрутов, и, если бы мне не удалось получить нескольких стрелков, то я с моим полком был бы доведен до последней крайности: даже при реорганизации вторых батальонов я ничего не выигрываю, так как я не только не отделяюсь ни от одного человека при наличии у меня массы никуда негодных людей, но в мой полк поступит еще около 150 человек из тех, кого 36-й полк предназначает к исключению из своих рядов. Ваше Превосходительство с многократно обнаруживавшейся справедливостью согласитесь, что мое положение чрезвычайно плачевно. По моему мнению, Казанскому полку предстоит выбор 20 человек из 100 солдат 35-го полка, а мне придется выбрать около 150 человек из такого же точно количества солдат 36-го полка, т.-е. я должен буду взять всех. Пропорция, очевидно, неравна. Итак, если при подобных обстоятельствах Дивизионный разрешил мне выбрать десяток людей, смею думать, что никто не имеет права считать себя обиженным и поднимать такой крик по этому случаю. Позвольте, Генерал, в добавление к сказанному отметить, что я никогда не жаловался направо и налево по поводу дел моего полка. А я бы тем не менее, пожалуй, имел бы больше прав жаловаться, чем кто-либо другой, так как несмотря на 18.000 рублей, подаренных мной, можно сказать, моим предшественникам, Бугарский мне не платит, вот уже 15 месяцев, ни копейки; перед этими 15 месяцами он не платил в течение года Кромину. Вместо того, чтобы жаловаться, я предпочел: во-первых, просить начальствующих лиц предоставить мне некоторые средства, и в нескольких случаях я имел счастье видеть исполнение моих просьб; во-вторых, без малейшего шума и не беспокоя никого, поступать, на сколько это в моих силах

так, чтобы вполне оправдать то доверие, которое вы, Ваше Превосходительство, выказали мне, содействуя моему назначению на должность командира Вятского полка. Если после всего этого я не добьюсь милостей начальства, я буду все же убежден, что это произошло не из-за недостатка усердия с моей стороны. У меня, без сомнения, есть неприятности, вызванные по большей части чувством зависти к тому, что в моем полку не сидят, сложа руки, а много работают; эти неприятности мне, конечно, очень тягостны, но я охотно переношу все это, в надежде, что мои старания будут по крайней мере оценены теми, кто имеет все данные для правильного суждения о вещах. В числе таких людей вы, Ваше Превосходительство, стоите на первом месте, так как я, можно сказать, благодаря вам получил полк и потому вам я главным образом обязан дать отчет в своих действиях.

Повторяю мои извинения за беспокойство, которое я мог вам причинить. Я не преминул бы явиться и лично, чтобы дать вам изустные объяснения. Однако по соображениям, которые вы, Ваше Превосходительство, сумеете оценить должным образом, я опасаюсь решиться на подобный шаг.

Благоволите прочесть это письмо с добротой и принять уверение в высоком уважении и совершенной преданности, с которыми имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейший слуга

П. Пестель.

Линтцы 16 мая
1823.
